

ЕВГЕНИЙ КУРСКОЙ

Опция «ВЫХОД»
не предусмотрена

16+

Евгений Николаевич Курской

Опция «Выход»

не предусмотрена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62161692

SelfPub; 2026

Аннотация

Он частный детектив. Одинокий, немолодой, циничный, давно никому и ни во что не верящий. Но зато у него есть принципы. Его нельзя купить и запугать. Его можно только убить, но он и сам не против стать жертвой в стремлении выманить опасного и хитрого врага из логова. Цена его жизни ничто в сравнении с жизнями тысяч других, уже ставших жертвами всемогущей медицинской корпорации. Но пока он жив – горе любому, кто решится встать у него на пути. Не помогут ни деньги, ни связи, ни дарованное загадочным центром нетрадиционной медицины бессмертие.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	45
Глава 4	58
Глава 5	88
Глава 6	107
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Евгений Курской

Опция «Выход»

не предусмотрена

Глава 1

Мог ли я не вляпаться в это дело? Наверное, мог, будь у меня выбор. Но в том-то и дело, что выбирать не дали ни мне, ни тысячам других. Мы жили привычным укладом и наивно планировали ближайшее будущее, не догадываясь, что уже назначены жертвами. Никто из нас не почувствовал за-тылком хищный взгляд и не оглянулся. Ни один не уловил внезапно возникший на грани обоняния запахок разложе-ния и не насторожился. А я так и вовсе не заметил, как на моем горле уже сомкнулась чешуйчатая лапа с окровавлен-ными когтями и начала медленно сдавливать. Хотя, быть мо-жет, именно это меня и спасло. Если других сразу рвали на части, то со мной чудовище почему-то решило поиграть.

Началось все в первых числах отвратительно жаркого апреля, дневными температурами напоминавшего поздний июнь. От работодателя поступил долгожданный заказ, став-ший глотком свежего воздуха в затхлости безденежья по-следних месяцев. Ответив согласием, я тут же получил вто-

рое сообщение со ссылкой на облачное хранилище в сети и задаток.

Обычно хранилище содержало гигабайты информации, на скачивание которой уходило порой несколько часов скоростного интернета, а на предварительное изучение – несколько дней. В тот раз облако меня неприятно «удивило» единственным текстовым файлом с телефонным номером, именем его владельца и условной фразой «В годовом отчете за декабрь у вас вкралась ошибка». Это было плохо. Мне явно пытались всучить дело, от которого отказались другие частные детективы. И как новобранцу предлагали работать по старинке, начиная с выслушивания сопливо-слезливой истории клиента и заканчивая сбором улик. Я давно работал иначе, занимаясь скорее кабинетной аналитикой. Моими клиентами в основном были спецы с погонами на плечах, которых бросали в омут расследования очередного резонансного преступления и требовали немедленного результата. Но срочность и правовая система нашего государства с его запредельным бюрократизмом были несовместимы. Вот тогда и обращались ко мне, получая в комплекте и срочность, и качество работы, и полную анонимность.

Какое-то время полюбовавшись на экране смартфона солидной суммой задатка, которой пополнился мой банковский счет, я решительно засунул профессиональную принципиальность на самые дальние и пыльные антресоли своего эго, а затем набрал телефонный номер из сообщения.

– Да! – рявкнул в трубке раздраженный властный голос. – Прокуратура, Матушкин, слушаю!

– Здравствуйте, Валентин Александрович. Только что проверил ваши бумаги и обнаружил, что в годовом отчете за декабрь у вас вкралась ошибка.

Пауза. Секундная возня. Непонятное пыхтение. Приглушенные до визгливого неразборчивого шепота голоса на том конце провода – будто за телефонную трубку шла тихая, но ожесточенная схватка.

– Да-да, – наконец подал голос Матушкин, – внимательно слушаю.

– Мне подъехать? Или вы предпочитаете по телефону...

– С ума сошел! – на грани паники, срывающимся на визг шепотом закричал Матушкин. – Кстати, откуда ты звонишь? У меня определитель не сработал.

– Не переживайте, линия чистая.

– Знаю я эти чистые линии... Короче, так. Через час буду ждать на скамейке возле библиотеки на Пушкинской, рядом с филфаком.

– Договорились.

– Как я тебя узнаю?

– Старое европейское кино уважаете?

– Чего...

– Говорят, я очень похож на актера Лино Вентура, если бы у того было лицо Бельмондо, а рост и прическа Алена Делона. Синие джинсы, белая рубаша, красная бейсболка. Но

главное, у меня в руках будет книга с вложенной газетой.

– Шутник... – напоследок огрызнулся Матушкин и бросил трубку.

Естественно, он опоздал. Убивая время, мне пришлось гулять вокруг библиотеки на Пушкинской среди студентов и студенток филфака. Жаркий день выманил из душных аудиторий на свежий воздух чуть ли не все юное поголовье будущих преподавателей литературы. Созерцая раскрепощенных юных прелестниц в допустимом минимуме одежды и наслаждаясь их бессмысленным щебетом, я неплохо отдохнул визуально и даже помечтал о греховном.

Матушкин появился с опозданием на час. Лишь увидев дерганного, озирающегося типа в мятом сером костюме и клетчатой рубашке под скособоченным зеленым галстуком, я сразу понял, что это он. Понял, не узнал. В реальности этот замученный тип с пергаментным лицом и черными провалами вместо глаз разительно не походил на холеного хлыща в прокурорской форме с фотографии, найденной в интернете.

Перехватив взгляд, я приветливо помахал книгой с вложенной газетой. Матушкин отреагировал странно – дернулся как от удара и отпрянул, я даже испугался, что он убежит. Но нет. Через мгновение прокурор уже стремительно шел ко мне.

Кивнул, не глядя в глаза, грузно опустился на скамейку рядом со мной, трясущимися руками достал из кармана пиджака мокрый носовой платок и принялся долго вытирать

лицо, шею, еще раз лицо. При этом постоянно отдувался, пыхтел, и зачем-то беспрестанно ощупывал себя, будто боялся за сохранность членов.

– Времени у меня мало, – начал он. – Что тебе известно о моем деле?

– Ничего.

– Ну-у-у... – Матушкин шумно выдохнул, затем прильнул ко мне и, обдавая тухлым дыханием, принялся тараторить: – Короче, тут один головняк на меня повесили... Одни требуют немедленного хода, другие приказывают забыть. Цапаются между собой, а я под перекрестным огнем. Короче, замешан кое-кто из местных олигархов. Вернее, его труп.

Матушкин, озираясь, прошептал фамилию, что меня изрядно удивило:

– Труп? Я его живого и невредимого в утренних новостях видел, на открытии своего очередного завода.

– Невредимого, – проворчал Матушкин. – А я его неделю назад видел таким, будто через мясорубку пропустили. Ни одной целой кости ниже груди! Каша! И самое главное – все это здесь неподалеку. В каком-то филиале центра нетрадиционной медицины.

Мой дежурный интерес сменился искренним.

– Три года как работает. Здесь, неподалеку, кстати, – он кивнул неопределенно в сторону. – Блатной, только для своих. Все по высшему разряду. Уж я насмотрелся в прошлый четверг!

Он снова долго утирался платком и снова озирался по сторонам.

– Короче, неделю назад посреди ночи мне звонит старый приятель из конторы. Другого я бы послал, а этому многим обязан. Говорит, поступил сигнал, анонимка, в том самом филиале обнаружен труп. Мой кореш чуть не плачет, ему до пенсии остался месяц, а тут такое, что и за год не разгребешь. В конторе, естественно, никто за него впрячься не захотел. Получилось, что кроме меня и некому. Слезно умолял взять на себя, мол, это сначала нам поступила анонимка, а уже после проверки мы ее передали конторским. Надо просто съездить на место и осмотреться. Только и всего. Ну, я и согласился, придурок. Звоню прокурору города, докладываю, беру на себя ответственность. Предлагаю решить по-тихому, подключив пару ребят из конторы. Одобряет. Звоню приятелю, договариваемся о встрече на месте. Приезжаю, а там никого. Вообще никого! Думал, вместе с приятелем и его парнями проверим все по-быстрому, убедимся, так сказать... Короче, через полчаса подъезжает левая машина с двумя конторскими. Мне они сразу не понравились, хотя ксивы у них настоящие, еще и привет передали от моего приятеля. Ну ладно, думаю, раз взялся, надо заканчивать. Короче, заходим внутрь, со двора через парковку. Конторские шли уверенно, точно знали куда. Потом-то я это понял, а тогда... Короче, осмотрелись мы. Вроде бы больничка, но дорогая, люксовая, разве что палаты почему-то

с сейфовыми дверями, как в банке. И все заперты. А одна дверь нараспашку. А за ней темно. Везде свет горит, что аж в глазах режет от яркости, а в той комнате темень. Посветили фонариками с телефонов и сразу же наткнулись на стол вроде операционного, на котором и лежал труп, голый, уже окоченевший. Рядом стояла какая-то бандура здоровенная, типа ванны с выпуклой крышкой, откинутой. От нее к трупу тянулись какие-то трубки с проводами. Нашли выключатель. В темноте еще была надежда, что показалось и тревога ложная, но при свете все стало понятно. Это действительно был наш олигарх. На теле места живого не было, он словно в камнедробилку попал. Уж я немало повидал и то дурно стало. Синий, опухший, хуже всего были ноги, ни одной целой кости. Грудь вдавлена, будто по ней молотом лупили.

Машуткин утер потный лоб и перевел дыхание.

– Но на морде была кислородная маска и работал аппарат вентиляции легких. Чуть какая-то! Все раны выше груди были тщательно зашиты, а все ниже груди даже не трогали. У человека потроха вывалены наружу, а они сантиметровой порез на плече зашивали. А еще в комнате стоял тяжелый запах перегара. Разило от него, даже несмотря на кислородную маску! Я даже наклонился, чтобы проверить.

Он снова глубоко вдохнул и закрыл глаза.

– А когда я наклонился, он вдруг посмотрел на меня. Осмысленно посмотрел. И заплакал.

– Окоченевший труп? – перебил я, не удержавшись.

– В том-то и дело! Он холодный был! Я сам его трогал. И тут вдруг глаз открывает... – Матушкина передернуло от отвращения. – Я думал, что спятил.

По интонации, жестам и напряженной позе было видно, как тяжело ему дается рассказ.

– Пока я возился с ним, куда-то делись эти двое уродов из конторы... Оглядываюсь, а никого нет. Я в коридор – никого! Давай звонить, а сигнала нет. И только я хотел на улицу выйти, как со всех сторон налетают быки в черных комбезах и масках. Скрутили и запеленали меня так ловко, что я охнуть не успел. Профи. Раздели, руки и ноги сковали пластиковыми хомутами, натянули мешок на голову, бросили в машину. Долго катали по городу. Потом просто выкинули, спасибо хоть не на ходу. Как оказалось, возле поста ДПС на южном въезде в город. Менты помогли срам прикрыть и позвонить.

Матушкин замолчал, снова отдуваясь. Пришлось его подстегнуть:

– А дальше?

– Дальше началась дичь. Сначала меня поимел прокурор области и потребовал забыть о том филиале. Потом добавил прокурор города и приказал найти тот труп. В довершение, исчез мой приятель из конторы, как в воду канул, вместе с семьей.

– А что же олигарх?

– С ним связались в ту же ночь и выяснили, что он отды-

хал в Сочи. И вот спустя неделю он открывает завод.

Хоть рассказ Матушкина и звучал дичью из уст шизофреника, но все же в нем был нюанс. Существенный, жирный нюанс под названием «филиал центра нетрадиционной медицины». По городу уже многие месяцы ползли недобрые слухи. Рассказывали как невероятное, так и жуткое. Но если раньше эта обитель эскулапов была лишь окутана флером таинственности, то после истории с Матушкиным от нее смердеть стало.

Но главное в другом. Олигарх действительно был жив, вот только на открытии завода выглядел так, будто был после дичайшего похмелья, с трудом произнес заготовленную речь. Глядя на него по телевизору, я откровенно глумился, мол, ничто человеческое сильным мира сего не чуждо. Но стоило допустить мысль, что странный внешний вид был следствием многодневной пьянки, а недавней хирургической операции, то все сразу начинало играть другими красками.

– Ну так что скажешь? – спросил прокурор. – Берешься? Надо все сделать побыстрее и максимально тихо, чтобы ни одна сволочь не прознала. Мне нужны гарантии.

– Об этом можете не беспокоиться. Конфиденциальность гарантируется в первую очередь. А вот все остальное, увы, – я пожал плечами. – Конкретных сроков не будет. Но сделаю максимально быстро.

– Но я же заплатил! – не унимался Матушкин.

– Всего лишь задаток, благодаря чему мы и встретились. Непосредственно за расследование я возьмусь только после полной оплаты. Окончательную сумму вы узнаете после, когда пришлете материалы дела. Чтобы я мог приблизительно оценить фронт работ.

Матушкин возмущенно засопел.

– Нет, так дело не пойдет...

Он выдал долгую чванливую тираду, которую я даже слушать не стал, отвернувшись. Чувствуя себя хозяевами положения, все они одинаково торгуются, пугают, что-то сулят. Вот только он не был хозяином положения. Был он отчаявшимся недоумком в безвыходной ситуации.

– Ну, хорошо, – я поднялся. – Не пойдет, так не пойдет. Задаток вам не вернут. Я с вами работать отказываюсь. Прощайте.

Матушкин издал воющий стон, невольно обратив на себя внимание прохожих, затем схватил меня за руку.

– Простите! – сдавленно выкрикнул он, от переизбытка чувств невольно переходя со мной на «вы». – Не знаю, что на меня нашло. Солнцем напекло или чокнулся уже! Плевать на бабки...

– Хотите побыстрее? Начните с материалов дела. Чем быстрее вы их пришлете, – я вручил ему визитку с адресом электронной почты, – тем скорее я примусь за ваше дело.

– Спасибо, дружище! – он липкой потной ладонью сжал мою руку и принялся благодарно трясти. – Ты, это, извини,

если что не так. Я потому и обратился к тебе, что ты хоть и бывший, но все равно из наших. Да к тому же большой спец по делам вроде моего. Я сразу понял, что только ты мне можешь помочь, когда я узнал, что это именно ты в том году вычислил и изловил семейку каннибалов в Питере. А уж как ты поймал на Кипре и привез в бочке сбежавшего с кассой предприятия главбуха...

– Материалы, – сказал я, пресекая поток ненужной лести, да к тому же отвратительной из уст Матушкина. – Я жду до вечера. Прощайте.

– Понял! Все пришло!

Письмо с прикрепленным архивом упало в мой электронный почтовый ящик через час, явно демонстрируя желание Матушкина «все сделать побыстрее». Вот только содержимое архива этому не способствовало никак. Даже сбивчивый рассказ прокурора выглядел запредельно информативным в сравнении с набором нечитаемых файлов. Архив был безнадежно испорчен мощным шифровальщиком без возможности восстановления, да еще и содержал смертоносный набор вирусов и программ-шпионов. Мой компьютерщик, который вот уже десяток лет обеспечивал мою цифровую безопасность, был предельно красноречив, но не многословен по поводу прокурорского письма. По его словам, отправитель оного был худшим представителем рода человеческого, которого надо было лишить шанса на рождение еще до за-

чатия. Это при условии, что письмо было отправлено шутки ради. Но прокурор не был похож на любителя розыгрышей, да и во всю эту историю не вписывался солидный задаток. Скорее всего произошедшее объяснялось вмешательством неких сил без ведома прокурора, которым было невыгодно разглашение материалов дела. Или Матушкин попросту струсил и в последний момент таким образом решил разорвать сделку с частным детективом, заключенную в крайне нестабильном эмоциональном состоянии. Но это было маловероятно, к тому же требовало привлечения посторонних, потому как Матушкин совсем не походил на продвинутого айтишника, способного провернуть дельце с зашифрованным письмом.

Все это только разожгло мой азарт. Если в начале я взялся за дело Матушкина из-за безденежья, то теперь во мне проснулся профессиональный голод, утолить который могли только полученные ответы на вопросы, которых становилось все больше. Даже взятый задаток и репутация отходили на второй план, уступая место страсти и куражу.

Для самоуспокоения набрав служебный номер Матушкина, я долгих пару минут слушал безответные гудки в телефонной трубке. Ожидаемо. Я почему-то был уверен, что больше не увижу и не услышу нервного прокурора.

Следующим я позвонил единственному в городе человеку, который знал о происходящем в теневой части города если не все, то многое.

– Сашка, ты? – бросил я в кишащий треском и помехами эфир. – Алло?

Александр Михайлович Лонидов, мой однокурсник, одноклассник, когда-то лучший друг, полковник контрразведки, всегда в идеальном костюме и начищенных туфлях, красавец мужчина огромного роста и неохватной шириной плеч, обладатель недюжинного ума, добряк и по совместительству большой любитель женщин, особенно чужих. Женщины охотно отвечали ему искренней взаимностью. Ни одна не могла устоять. Не устояла и моя бывшая жена. Не сказать, что меня это как-то покорило, скорее даже развязало руки и ускорило запущенный много раньше процесс развода, однако дружбе с Сашкой положило конец. Ушли в прошлое рыбалка на выходных, совместные поездки к морю, встречи Нового года, бурные празднования дней рождений и прочая дружба домами. Сделанное Сашкой и моей бывшей женой развалило две семьи, но зато кое-кого обременило неискупимым чувством вины, чем я без зазрения совести постоянно и пользовался.

– Алло?!

– Да не ори ты так. Слышу тебя. Черт, когда же починят этот телефон...

Звонить приходилось по старинке – на стационарный аппарат. У них в конторе все еще делали вид, что секретность превыше всего, а потому мобильная техника была под запретом. Наивно, конечно, но не мы установили эти правила.

– Привет! Время на лучшего друга найдется?

– Ну, найдется.

– Так я подъеду?

– Ну, давай.

– Минут через тридцать буду у тебя.

Когда я выпрыгнул из такси напротив главного управления контрразведки по области, Сашка традиционно стоял у белой колонны перед входом и с невозмутимым видом курил. На мое появление он отреагировал как обычно – будто расстались час назад, хотя на самом деле мы не виделись больше года.

– Ну? – он оскалился в плотоядной улыбке от уха до уха. – Небось опять дело есть?

– А то как же, – сказал я и покосился на двери за его спиной. – Как всегда. Пошли, прогуляемся?

Мы неспешно двинулись по тротуару вдоль ревущей моторами, пищащей тормозами и воющей клаксонами улицы.

– Ну? – с намеком повторил Сашка, причмокивая в попытке раскурить очередную сигарету и прикрываясь от ветра. Он всегда курил во время наших встреч на улице или просто держал в зубах незажженную сигарету, а то и обычную спичку мусолил. Он был уверен, что это защищает от чтения по губам издалека. – Что за дело?

Странно. Поначалу думал, что показалось, но потом подозрение превратилось в уверенность, что Сашка волновался. На моей памяти он вообще не был подвержен душевным

метаниям и на любые вызовы судьбы отвечал неизменной кривой ухмылкой прожженного циника. И вот вдруг такое. В глаза не смотрел, руки подрагивали, коронная ухмылочка выглядела натянутой, а вскоре и вовсе сошла на нет.

– Что ты знаешь про филиал центра нетрадиционной медицины?

Он заметно вздрогнул и вскользь глянул на меня.

– А про олигарха, который живее всех живых?

– Так это ты подрядился Матушкину помогать?

Я проигнорировал вопрос. Прямых доказательств у меня не было, но зато имелась крепкая уверенность, что мой работодатель сначала уведомляет контору, а потом уже мне передает очередной заказ. Где бы я ни был и чем бы ни занимался – везде ощущалось незримое присутствие Сашкиных коллег.

– Он плакался, что оказался между молотом и наковальней. Одно начальство требует расследования, другое приказывает прекратить...

– Как будто ты поверил. Ну-ну! – Сашка глумливо хохотнул. – Не хуже меня знаешь, что в таких вопросах начальство всегда единодушно. Головняк никому не нужен. Матушкину все приказали забыть это дело. А он оказался упертым. Не смог перенести унижения, захотел отомстить. А может, почуял большие деньги и думал откусить от этого пирога. Вот и нанял тебя, чтобы самому не отсвечивать.

– Может быть, – я махнул рукой. – Плевать на Матушки-

на. Мне главное на нем денег заработать. Ну так что, поделишься вкусным?

Сашка резко остановился и вперил в меня глаза. Все-таки страшный у него взгляд, не хотел бы я оказаться перед ним на допросе.

– Ну, ладно. Поделюсь. Но с условием. Все, что нароешь по этому делу, сливаешь не только Матушкину, но и мне. Мне раньше на часок-другой.

– Договорились, – легко пообещал я.

– Ну, спрашивай, – махнул рукой он и снова медленно пошел по середине тротуара, как ледокол шутя рассекая встречные потоки пешеходов.

– Меня интересует главное: олигарх был?

Сашка кивнул.

– Холодный? – тихо спросил я.

– Холоднее некуда. Но понимаешь... Я сам видел его спустя три дня. Это не двойник, не похожий человек.

– А сопровождавшие Матушкина? Ваши, конторские?

– Нет. Точно не наши. Я сам все наряды, приказы на дежурство и прочую хрень за тот день дважды перепроверил.

– А если залетные из другого управления? – спросил я, прекрасно зная ответ.

– Исключено.

– А они точно были? Может Матушкин врет?

– Не врет. Были двое. Выдавали себя за наших. Есть запись.

Я ахнул:

– Видео?!

– Не наглей. Запись не дам. Да и ничего нового ты там не увидишь. Все как в рассказе Матушкина. Кроме одного – эти шныри не из наших. Они вообще никогда не светились в системе. Мы прогнали их морды через распознавание лиц – результат нулевой. Скажу больше. Тот приятель Матушкина тоже давно уже не наш. Больше семи лет назад уволился, пашет на частника, службу внутренней безопасности банка возглавляет.

– Он действительно исчез вместе с семьей?

Сашка кивнул.

– Дом перевернут вверх дном. Машины в гараже нет, все банковские карточки обналичены в ту же ночь, деньги снимали в двадцати разных банкоматах жена и сын. У родственников не появлялся. Телефоны отключены. На связь не выходит.

Минуту шли молча. Я обдумывал услышанное. Сашка просто курил и нагло разглядывал встречаемых женщин.

– Ну давай, – вдруг сказал он. – Задавай.

– Что?

– Самый главный вопрос, – он ухмыльнулся. – Ради которого явился.

– Для главного вопроса мало вводных. Да ты и не скажешь: кто, когда, зачем и почему.

– Не скажу, – со странной полуулыбкой подтвердил он.

– А сам-то что думаешь об этой истории?

– Да нечего тут думать. Классика. Возня для привлечения или отвлечения внимания. Кому-то понадобился шум вокруг этого филиала. Хотят отжать или поделить. Там такие дикие деньги крутятся, что ради них можно пойти на что угодно.

– Насколько дикие?

– Представь самую фантастическую сумму и умножь на десять.

Я присвистнул.

– Где-то года полтора тому мы разрабатывали одну черноморскую прокладку по отмыванию денег. Посредник, заказывающий на Кипре консалтинговые услуги по стопроцентной предоплате. Примитивная, но эффективная схема. Вот тогда-то впервые и «выстрелил» этот филиал. Он у нас в разработке был как подпольный косметический салон тире бордель.

– Бордель?

– Именно. В дверь налево – девочки губы и сиськи накачивать, в дверь направо – мальчики отдыхать по-взрослому. Сауна, номера, все дела. Учитывая контингент, мы сразу же заинтересовались и попытались внедриться, но получили отлуп аж из администрации президента. Представь уровень! Переть-то мы перестали, но не интересоваться. Сам знаешь – сегодня кто-то в фаворе и под защитой, а завтра на него вдруг компромат требуется и спрашивают с тебя. Короче, из-

далека прощупывали. Вот тогда и выплыли первые странности.

– Например?

– Например, туда ходили целыми семьями. Ходили стабильно, минимум раз в неделю. Приезжали исключительно вечером и уезжали под утро. Только за время наблюдения мы успели зафиксировать все руководство города и области, всех коммерсов первого эшелона. Именно поэтому никого не удивила новость об олигархе. Он там стабильно появлялся. Переполошились только из-за его переохладения.

Сашка долго раскуривал очередную сигарету, но делал это нарочито долго, то ли подбирал слова, что на него не похоже, то ли просто меня дразнил.

– Другая странность связана с пташками. Если помнишь, где-то с год назад у нас этот бизнес резко захирел. Начали пропадать девки и даже их сутенеры. Бесследно. И раньше бывало подобное, но пташек или их части всегда находили. А тут словно и не было человека. Доказательств нет, но главные подозрения опять же упали на этот филиал. Тут еще одна тема скоро выстрелит. Пока держим в секрете, но рано или поздно плотину прорвет. Число пропавших без вести увеличилось в разы. Как только этот филиал открылся – мгновенно статистика свечкой взлетела и несколько лет не падала, каждый год шел прирост в сотни процентов. Пропадали не только пташки. Ты же заметил, что с улиц исчезли все бездомные и городские сумасшедшие? У нас нашлись

кретины, которые обрадовались, мол, город очистился. А потом стали пропадать люди из благополучных семей, молодые и здоровые. Были месяцы, когда исчезали девочки определенного возраста, потом пошел вал заявлений от родителей мальчишек.

– Были? – подметил я акцент на прошедшем времени.

– Уже полгода, как статистика вернулась к средним по стране показателям. Вместе с прекращением ажиотажа во-круг этого филиала. Раньше там не протолкнуться было, а сейчас наружка фиксирует только местную знать и коммерсов. А раньше мелькали даже залетные из столицы.

– Свернули деятельность?

– Вряд ли. Просто распределили по другим точкам. Было бы странно, чтобы с такими ресурсами и наплывом желающих они не задумались бы над расширением. Да и не просто так эта хрень называется «филиалом». Где-то есть еще. А филиалы всегда подчиняются некоему центру.

– А не наш ли и есть этот центр?

– Вряд ли. Иначе не назывался бы филиалом. Просто он оказался на виду из-за денег. Финансы по-прежнему идут через наш город.

– И идет через ту самую черногорскую прокладку? – догадался я. – Но это же глупо. Зачем так подставляться?

– Потому что не боятся. Знают, что мы ничего сделать не можем. Скорее всего на всех уровнях от Москвы до Брюсселя имеются договоренности, все получают свою долю и не

задают лишних вопросов. Соблюдается только внешняя видимость легальности процесса для технического обеспечения оборота валюты, чтобы этим ребятам не пришлось деньги вывозить в чемоданах.

– В чемоданах? – я снова присвистнул. – И что же может стоить так дорого? Чем они занимаются в этом филиале?

– Вот это и есть тот самый главный вопрос, – сказал Сашка и почему-то подмигнул. – И этот вопрос без ответа. Никто не знает. Явно что-то связанное с медициной. Любая медицина сейчас – это дорого, а подпольная медицина для избранных – запредельно дорого.

– Может органами торгуют?

– Может, – кивнул Сашка. – Это объяснило бы исчезновение людей. Но! В прошлом году в нашем филиале крутился столичный актеришка. Мы его каждый день по ящику видим то в сериалах, то ведущим всяких шоу. Раз пять приезжал. И после каждого приезда он становился заметно моложе.

– Ну а пока вам кислород не перекрыли, удалось ведь хоть что-нибудь нарыть. Не может же быть такого, чтобы все молчали и был сплошной вакуум?

Сашка резко остановился, положил тяжелую руку мне на плечо и, впервые за встречу глядя мне в глаза, тихо сказал.

– Сыщик-то я хреновый, тебе в подметки не гожусь. Я архивная крыса, бумагомарака. Но! Чутье у меня звериное. И последние дни оно мне спать не дает. Скоро из-за этого филиала начнется большой кипиш. Наше управление бурлит

как улей, прокуратура стоит на ушах, суд день и ночь строчит постановления об арестах. Я уже рапорт на перевод в Москву подал. Если не согласуют перевод, то уволюсь к чертовой матери. Завтра последний день дорабатываю.

И вдруг перешел на шепот:

– Я знаю, ты меня за говно считаешь. И советы мои нужны тебе как мертвому припарки. Но... Солдатики вроде меня на подобных делах карьеру ломают, а молодцы вроде тебя без головы остаются.

– Первый раз, что ли? Как-нибудь вывернусь. Да и бабки нужны. На мели я, и уже давно.

Он тяжело посмотрел на меня, вздохнул.

– Ну, как знаешь.

Он достал из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо мятый бумажный лист и протянул мне.

– Держи. Не то чтобы помощь, но хоть что-то.

– Что это?

Я развернул лист, который оказался ксерокопией фирменного бланка с каемкой, пошлыми вензелями и логотипом вверху – «Lorica Occulta». Строкой ниже и готическим шрифтом с двойным интервалом между буквами было написано «E Pluribus Unum». Ниже обычным мелким текстом шел сухой перечень офисной мебели и медицинских инструментов с указанием стоимости и количества. Если бы не странная латинская надпись, то это была бы банальная служебная записка с запросом на приобретение продукции, та-

кие любая канцелярия пачками выдает ежедневно.

– Единственная стоящая улика по делу.

Я вскользя усмехнулся, получив подтверждение своим подозрениям. Сашка прекрасно знал, по какому делу я к нему обратился и даже прихватил копию улики.

– Лорика окульта. Э плюрибус унум, – медленно прочитал я.

– Это латынь: «Тайная защита. Из многих – единое».

– Вижу, что латынь. Но в чем смысл? Второе на гербе Штатов написано.

– Ага, – с гадкой улыбкой кивнул Сашка.

– Неужели и здесь Америка замешана?

– Не ерничай. – Он забрал у меня бумагу и, чиркнув зажигалкой, поджег. – Лучше вспомни, чему нас учили. Это просто дымовая завеса. Чувствуется гонор и нереализованные амбиции. Я не плюмбум-пумбум вижу, а чей-то неожиданный взлет. Надо искать кого-то серого и убогого, дорвавшегося до больших денег и власти. Сам знаешь, стремительно рванувшие из грязи в князи ни за что не останутся в тени. Им нужно заявить о себе миру и, прежде всего, своему окружению. Пускай все завидуют и видят, что бледная гусеница превратилась в прекрасную бабочку.

Бросив оставшийся от бланка огарок на тротуар, он тщательно растер его подошвой.

– Кстати, о серых и убогих. Твоя бывшая звонила.

– И что?

– Да ничего. Не подумай плохого. Мы с ней с тех пор и не виделись. Так и не понял, чего она хотела. Ты меня знаешь, я баб в этом плане плохо понимаю...

Он очень плохо врал, даже не старался. Будто хотел быть пойманным на вранье.

– Давай короче.

– Да это и вся история. Я чего об этом вспомнил-то? Она ведь какой-то там генетик, ученая. Может у нее спросишь. По конференциям всяким ездит, в научном кругу вертится. Круг этот небольшой, слухами полнится. Еще отец твой, он же ведь тоже биолог.

Сашка снова полез во внутренний карман пиджака.

– На! Дарю. Это можешь оставить себе. Будет твоей первой зацепкой. Список живых пташек, которые два года назад мелькали вокруг этого филиала.

В списке было лишь одно женское имя и телефон.

– Звони. Это ее сутенер. Магомет. Скажи, что телефон дал Дим Палыч, получишь скидку!

Он раздражающе громко заржал, а затем развернулся и вразвалочку пошел обратно к управлению.

Глава 2

Пташка оказалась привлекательной и даже красивой. Неопределенно-молодого возраста под двадцать, потрепанная жизнью, помятая работой, но все еще привлекательная высокая брюнетка с аппетитными формами. С такой было бы не стыдно показаться в любой компании, если бы не ореол дешевой туалетной воды, плохо перебивавшей табачную вонь и тухло-приторный смрад давно не стиранной одежды.

– Предоплату сейчас, – проворковала она, пробежав цепким взглядом по скучной обшарпанной обстановке комнаты с одиноким старым диваном у лишнего занавесок окна, выгоревшим и местами ободранным обоям, перекошенной из-за отсутствия одного плафона люстре под затекшим потолком. Пташка чувствовала себя неуютно от осознания несоответствия интерьера и стоявшего перед ней человека, одежда, обувь и часы которого стоили в разы дороже этой конуры. Пташка была права. Я к этому интерьеру не имел отношения, кроме внесенной платы за трое суток проживания. Комната в бывшем рабочем общежитии на окраине города, регулярно пользовался. Идеальный вариант для этого и еще тысяч подобных случаев.

– За час, как договаривались, – она улыбнулась, обжигая огнем красивых карих глаз. И поспешила добавить: – Если через час я не вернусь, сюда придет Мага. Я ему адрес и гео-

локацию скинула.

Врала. Но мне понравилось, как изящно и красиво она это делала.

– Договорились, – сказал я и протянул ей приготовленные деньги, которые тут же исчезли в утробе красной лакированной сумочки.

Пташка зачем-то отвернулась и начала медленно раздеваться – как на приеме у врача, буднично, погруженная в собственные мысли. Стянула через голову зеленый топ, качнув грудями, сбросила белые туфли.

– Заказ в силе? Классика без допуслу?

– Не совсем.

Она в недоумении повернулась, держа руки на застёжке ярко-синей юбчонки. Сделала произвольный шаг к двери.

– Чудак, что ли?

В ее глазах мелькнули искорки паники. Чужаками пташки называли извращенцев.

– Не бойся, ничего «такого», – я улыбнулся и присел на край дивана. Похлопал рукой рядом, приглашая сесть и ее. Женщина робко послушалась и, зачем-то прикрывая обнаженную грудь перекрещенными руками, осторожно опустилась на угол кровати. – Хочу поговорить.

Она облегченно выдохнула.

– А! Ты из этих. Поговорить до? Ну, давай поговорим.

Она ухмыльнулась и потянулась к сумочке за сигаретами, закурила.

– Поговорить вместо, – сказал я и положил между нами пару купюр. – Можешь заработать, если мне понравится разговор.

– Давай поговорим, – оживленно повторила она, заметно расслабившись и оживившись. Перспектива легкого заработка ее определенно устраивала.

– Я ищу одного человека. Девушку. Занимается тем же, чем и ты. Месяц назад она исчезла.

– Бывает, – пожала плечами пташка.

– Родители волнуются. Дети скучают.

– Где она работала? Под кем? – деловито сказала она, глубоко затягиваясь.

– Какой-то медицинский филиал...

Не успел я договорить, как пташка вскочила и попыталась сбежать. Я ее схватил за руку и силой усадил обратно. Все происходило в полной тишине, лишь пташка запуганно сипела сквозь сомкнутые зубы.

– Если сама не будешь болтать, то никто не узнает.

– Хватит того, что мы оба знаем, – прошептала она.

– Разумно, – согласился я и протянул ей визитку частного детектива. Фальшивка с ненастоящими именем и контактами, как раз для таких случаев. Кусок картона ожидаемо успокоил пташку, по крайней мере она перестала трястись. – За тебя не ручаюсь, а я эту встречу забуду через минуту после ее окончания. Мне нужна информация, наводка. Не больше.

Дрожащими руками достав из сумочки новую сигарету,

она снова закурила. При этом сумочку поставила на будущий гонорар, а когда убрала ее с дивана, денег под ней уже не было. Профи! Я на всякий случай осторожно проверил часы на руке и телефон во внутреннем кармане кожаной куртки. На месте, хотя, исчезни они, я бы не удивился.

– Ну, спрашивай. Может чего и расскажу.

– Начни с этого филиала. Что слышала о нем?

– С виду обычная точка. Когда пару лет назад открылась, многие девочки сразу туда попытались пристроиться.

– И ты?

– Конечно! Кто же не хочет в салоне под крышей работать?! Знаешь ли, не сахар пахать девочкой на звонке и по десять раз за ночь выезжать невесть куда с не иллюзорным шансом не вернуться. Но не срослось. Я им не подошла. Какие-то анализы мои не понравились.

Я сразу насторожился:

– Анализы?

– Да сейчас это обычное дело. Скоро, наверное, как повара будем с санитарными книжками на вызовы ездить.

Она хохотнула, оставшись довольна собственной шуткой, и взяла паузу, надеясь на одобрение с моей стороны. Я не поддержал. Молча ждал продолжения истории, сверля пташку глазами.

– Нас Мага тоже каждый месяц гоняет к венерологу и гинекологу. Привыкли уже. А тут вдруг заставили сдать кровь – пробирок десять выкачали из меня. Делали УЗИ, МРТ.

– На месте делали?

– Ну да. Там же все под боком.

– Сами ходили по врачам или с сопровождающим?

Пташка глянула на меня оценивающим взглядом.

– Да ты небось и сам все знаешь?

– Кое-что знаю, – уклончиво ответил я, довольный внезапным поворотом. Пускай думает так, меньше соблазна будет приврать. – Продолжай.

– Дали нам мальчика в костюмчике и белом халатике поверх. С виду лапочка, а глаза садиста. До сих пор мороз по коже! Он приходил за каждой и по очереди отводил на обследование. Ждали в большой комнате с теликом, мебелью, кондером, с комфортом отдыхали. Двери не запирались, но выходить было запрещено. Одна девчонка типа в туалет сбегала, так ее сразу прогнали и деньги забрали.

– Деньги?

– Ну да. Нам заплатили по десять тысяч. Мне, хоть я и не подошла, дали потом еще пять.

– Опиши, что видела.

– Да ничего не видела, кроме этой комнаты с теликом и процедурной, где кровь брали. Еще были кабинеты с УЗИ и МРТ.

– Вход?

– Обычный, с Пушкинской, там крыльцо, вывеска, все дела – мимо не пройдешь. Адрес не помню. Визуально – в паре кварталов от Ворошиловского, по левой стороне. Там вокруг

старые хрущевки в основном, а между ними эта новенькая хрень. Рядом с крыльцом парковка. За входной дверью сразу прямо ресепшн как в отеле, с девкой в белом халате. Налево комната, в которой мы сидели. Направо длинный яркий коридор. В конце коридора странная дверь.

– Странная? – переспросил я, вспомнив рассказ Матушкина о бронированных сейфовых дверях. И пташка подтвердила:

– Ну да. Не вязалась она ни с чем. Там все такое светлое, воздушное, а эта громада черная, мощная, с замками. Возле двери топтались двое мальчиков. С виду приличные, в костюмах, но на деле скоты конченные, садисты. Я таких за версту чую. Менты бывшие.

– Что за дверью?

– Не была, не знаю.

– Может кто входил или выходил, когда ты мимо проходила?

– Нет.

– Ладно, проехали. Что дальше?

– Да ничего. Девочек пять или семь отобрали и увели.

Остальным, и мне в том числе, дали денег и выгнали. Помню, костерили мы этих скотов, особенно того Лаврика.

У меня от предчувствия кольнуло сердце.

– Кого?

– Да был там один. С виду добрячок, а на деле...

– Почему Лаврик?

– У него на халате бейджик был. Фамилия там. Лавренко или Лавренко, уже не помню. Михаил. Ну мы его сразу же и прозвали Лавриком. Ему это понравилось, даже просил себя так называть. Извращуга...

Я запомнил имя и фамилию.

– Отобранных девчонок увели, а вас оставили в той комнате?

– Нет. Выгнали на улицу. Девочки разозлились сильно, что не прошли отбор. Орала дико. Я тоже злилась. А потом... Короче, где-то через неделю поползли слухи, что те девчонки пропали.

– Как узнали?

Пташка пренебрежительно фыркнула.

– Город-то хоть и не маленький, но тесный. Постоянно с кем-нибудь пересекаешься. Девочки начали шептаться. Но самое главное, мамки и хозяйева все разом вдруг прижухли. Раньше за своих девочек могли кому хочешь пасть порвать, а тут вдруг тишина. Некоторые даже вообще из дела ушли. Я своего хозяина таким напуганным никогда не видела. Неделями не появлялся. Бывало, даже доход со смены весь мне оставлял. Да и вообще, тогда весь бизнес захирел резко. Девочки боялись сильно, отказывались к клиентам выезжать.

– А сейчас?

– Сейчас все как обычно.

– Опиши того Лаврика. Приметы какие-нибудь, шрамы, лысина, пальца на руке не хватает, хромает?

– Глаза...

– Про взгляд я понял. Что-то особенное было?

– Ну, лет сорок, роста среднего, лысоват, с пузом. Лицо вроде бы симпатичное, но эти глаза и пухлые мокрые губы все портили. Все старался ущипнуть побольнее, схватить за что-нибудь. Я многое повидала и ко многому привыкла, но от его липких рук у меня в животе все холодело.

– Прическа?

– Точно! Тату! – вдруг выпалила пташка, обрадованная озарением. – У него затылок выбрит, чтобы видно было татуировку. Буквы какие-то, не по-нашему написано, с завитками.

Я бросил ей блокнот и карандаш.

– Рисуй татуировку.

По-детски прикусив язык, она коряво, но старательно изобразила что-то похожее на человеческую голову с рисунком на затылке. Больше всего это напоминало языки пламени, облегающие латинские буквы ML.

– А ты что, хочешь попасть туда?

Я не ответил, но и без ответа все было понятно.

– Зря. Пропадешь. Если не врешь и ищешь ту девчонку... Короче, ей уже не помочь. А если врешь и захотел поиметь этих ребят, то без головы останешься. Да там по-любому без головы останешься.

– Если мозги есть, а они у тебя явно есть, – сказал я, – то о нашей встрече ты постарайся забыть.

– Уже забыла. Не дура.

Я жестом показал на выход. Она буквально впрыгнула в туфли, схватила вещи и полуголая побежала.

Рассеянно прислушиваясь к затухающему стуку каблучков, я разглядывал рисунок татуировки и уже знал, что сделаю дальше. Разведка боем выглядела опасным шагом, но меня словно магнитом тянуло в тот филиал. Хотелось все увидеть, понюхать воздух вокруг и пощупать за мягкое, так сказать. Я себя чувствовал охотником, напавшим на след опасного хищника.

Увиденное вживую разочаровало. Вместо неприступной цитадели с несколькими периметрами охраны передо мной задорно сверкало тысячами отраженных солнечных зайчиков свежее трехэтажное здание из стекла и разноцветных панелей. Оно действительно выглядело инородным рядом со старыми кряжистыми хрущевками, и полностью соответствовало описанию пташки. Камеры видеонаблюдения имелись номинально – парочка на углах здания. Шлагбаума не было, парковка открыта, окна не защищены. Запрета на проход не было, повсюду сновали прохожие и пару раз мелькали сотрудники в белых халатах, неспешно прошла бабулька в домашнем халате с мопсом на поводке.

Первое время я оценивал обстановку и старался не светиться, но потом бросил. На меня, на старушку с песиком, да вообще на всех и вся обитателям филиала было плевать.

Они действительно никого и ничего не боялись.

От филиала буквально разило неприлично большими деньгами. Парковка была под завязку забита исключительно люксовыми машинами. Даже простые охранники на крыльце и парковке были одеты, словно манекены в итальянском бутике.

Последние полчаса я провел буквально на виду у этих бездельников, не вызывая с их стороны никакого интереса. И только я решился, надеясь на удачу, заглянуть к ним в гости, как сзади раздался тихий бархатный баритон:

– Добрый день, молодой человек.

За моей спиной стояли трое. В таких же итальянских костюмах и туфлях, как и те на крыльце. Такие же вальяжно ленивые и обманчиво безразличные. Появились незаметно, ниоткуда, против моей воли переубеждая меня и доказывая, что с безопасностью в филиале не все так плохо. Профессионалы.

– Э-э-э... Здрасьте!

– Вы здесь находитесь уже более одного часа. Ждете кого-то?

– А че? Хочу и стою! Нельзя, что ли? – с претензией на пьяную разнузданность в голосе сказал я, параллельно пытаюсь оценить собственные перспективы на силовое разрешение инцидента. Перспективы были мрачные. Одного я, может быть, и вырубил бы, но сразу троих не одолеть. К тому же, вряд ли они надеялись лишь на кулаки и физическую си-

ду. От таких молодцов можно и сюрприз получить. Стрелять они в меня на людной улице не стали бы, зато электрошокером могли приголубить.

– Почему же? Можно. Только не здесь. Здесь вы можете побеспокоить наших пациентов.

– Я никого не беспокою, – промямлил я на манер одурманенного алкоголем человека, стараясь растягивать слоги и глотать окончания.

– Беспокоите, молодой человек, еще как беспокоите, – убаюкивающим голосом и с полуулыбкой на закрытом очками лице чуть ли не ворковал детина. – Своим неподобающим поведением.

Легенда, похоже, сработала. Меня приняли за пьяного. И специфический акцент помог, и спиртовой душок. Оросил рот медицинским спиртом, задержал дыхание, выплюнул – и соответствующий запах гарантирован, даже алкотестер мог обмануться и показать опьянение. С пьяного спрос невелик, его даже пожалеть могут, а в некоторых ситуациях и определенных социальных слоях к нему и доверия больше.

Неожиданно крайний слева шагнул ко мне и пробежал очень ловкими пальцами от щиколоток до шеи. Я моргнуть не успел, как в его руках оказались мой простенький кнопочный телефон, связка ключей от несуществующих замков и дешевый бумажник из кожзама с тремя сотнями рублей мелочью. В комплекте с мешковатой зловонной одеждой они идеально вписывались в образ простоватого забулдыги.

– Все? – спросил стоявший в центре баритон, видимо, бывший в этом трио главным. Он брезгливо разглядывал содержимое моих карманов, явно недовольный увиденным.

– Так точно, – отрапортовал устроивший обыск.

Стоявший справа прильнул губами к уху главного и что-то очень тихо сказал. Разобрать сказанного было невозможно, но по губам прочиталось что-то вроде:

– Он сам. Без хвоста.

Это еще больше омрачило главного. Кивком головы он велел вернуть мне вещи.

– Мне только нужно ее увидеть, – вдруг занял я и схватил его за лацканы пиджака. – Пожалуйста! Умоляю! Мать места не находит...

С брезгливым выражением на лице он меня легко стряхнул, оттолкнул прямо в объятия одного из коллег, скрутившего мне руки за спиной и заставившего опуститься на колени.

– Кого увидеть? – все же спросил главный.

– Мою Любку! Я знаю, она у вас!

– Если у нас и работает некая Любовь...

– Она пропала месяц назад!

– Не кричите, молодой человек. Если кто-то пропал, то нужно обратиться за помощью в полицию. Мы не занимаемся розыском пропавших.

– Мне нужно только...

Главный жестом подал знак и мое тело пронзила острая боль от заломленной правой руки.

– Тебе уже ничего не нужно, понял? – уже без всякой вальяжности и мягкости в голосе грубо процедил мне в ухо итальянский костюм. – Еще раз появишься и ты тоже пропадешь. Понял?!

– Понял, – прохрипел я, даже не думая притворяться, мне действительно нечем было дышать.

– А теперь пошел вон!

Меня толкнули в спину и буквально заставили пробежать несколько метров в попытке удержать равновесие и не упасть. Такого удовольствия я этим хлыщам не доставил.

Кое-как отряхнувшись и пьяно бормоча под нос абракадабру, я побрел по улице прочь от филиала. Сзади, даже не думая скрываться, шли одинаковые как близнецы два мордворота в черных кожаных куртках, синих джинсах и белых кроссовках. Совсем не ребята в итальянских костюмах. Шпана.

Я оторвался от них банальным способом. Проковылял до запруженного народом проспекта, где нырнул в подземный переход и пристроился за человеком в похожей одежде. За первым же поворотом скинул куртку, скомкал и сунул под мышку. Развернулся и пошел в противоположном направлении, голову втянув в плечи, максимально ссутулившись, взгляд устремив в пол. Это всегда работает с непрофессионалами. Сработало и с теми двоими. Они как голодные телята за коровой покорно пошли за уставшим на ненавистной работе и погруженным в свои мысли бедолагой.

Выскользнув из подземного перехода, я еще минут двадцать петлял по улицам и торговым центрам, перестраховываясь. Конечно, можно было допустить, что за мной в тот момент следили профи, а те двое в кожанках и джинсах были для отвлечения, но это вряд ли. Скорее всего, меня таки приняли за отчаявшегося в неразделенном горе лопуха, занятого поиском пропавшего близкого человека, и отправили проводить до условной автобусной остановки парочку безмозглых вышибал. Это отчасти подтверждало подсказанную пташкой мысль – я не был одинок в своих поисках и к подобным визитам в филиале просто привыкли. Так что пока все складывалось удачно...

А потом я увидел газету в витрине журнального киоска на оживленном перекрестке и как страдающий арахнофобией при виде гигантского паука в ступоре уставился на крупные буквы заголовка. Вокруг сновали пешеходы, куда-то неслись машины, город жил привычной шумной жизнью, а для меня окружающий мир словно выключился. Я видел только эту газету и заголовок на всю полосу: «Кто стоит за самоубийством прокурора Южной Столицы?». В подзаголовке ниже говорилось о прокуроре Матушкине, найденном с дырой во лбу от пули, выпущенной из собственного табельного оружия. Автор статьи прямо обвинял Матушкина в связях с международным терроризмом и даже намекнул на его кураторскую роль в организации с не выговариваемым арабским названием. Подзаголовок заканчивался странным выводом, больше

похожим на угрозу, о такой же судьбе, которая неминуемо постигнет всех подобных Матушкину.

Газета была свежей. Выходит, прокурора убили накануне, ведь еще пару дней назад мы с ним сидели на скамейке и разговаривали. Зная систему изнутри, я был уверен, что столь скороспелая статья в главном печатном органе области не могла появиться без одобрения сверху. Значит ее опубликовали специально с целью подать некий знак.

Обстоятельства были неординарными, чтобы осторожничать и соблюдать какие-то правила, а потому я сразу же позвонил Сашке. Личный телефон откликнулся голосом робота, который мне сообщил в недоступности абонента. Служебный же ответил мгновенно, после первого гудка, но чужим голосом.

У меня неприятно заняло под ложечкой. К Сашке я не питал теплых чувств, но и смерти ему не желал. Вдвойне противнее было от мысли, что его могли угробить из-за меня. Оставалось надеяться, что он все-таки перевелся в Москву, как планировал.

Связаться с посредником-работодателем, который свел меня с Матушкиным, тоже не получилось. Телефоны не отвечали, а судя по данным мессенджеров, он не появлялся в сети уже три дня, хотя до этого его статус всегда был «онлайн». Этого скользкого типчика нисколько не жаль, я и сам пару раз подумывал над причинением ему тяжких телесных повреждений, но меня настораживала тенденция. Матуш-

кин, Сашка, посредник, кто следующий? Ответ напрашивался сам собой.

И словно не оставляя даже намека на лазейку, через которую я мог бы выскользнуть из этого мерзкого дела, вечером того же дня на телефон пришло уведомление от банка об аресте моего счета по решению суда. Он был всего лишь прокладкой для получения гонораров, деньги на нем хранились символические лишь для поддержания существования самого счета, полученный задаток я сразу же обналичил и раскидал по другим своим копилкам да заначкам. Но, опять же, это было звеном в цепочке событий. Удавка затягивалась. Проблема в том, что я не знал, у кого в руках она была.

Конечно, можно было попытаться спрятаться и пересидеть неминуемый шторм, но чутье мне подсказывало, что не получится. Образно говоря, не только я увидел мелькнувший в волнах плавник акулы, но и голодная акула заметила меня на углу плоту, почувствовала в воде запах и вкус моей крови. Сражение с хищницей неминуемо, а единственным оружием могла быть только информация и умелое ее применение. Поэтому пришлось вернуться к истокам профессии и начать сбор сведений по старинке. Опрос свидетелей, осмотр места преступления, сбор улик. Сложно, муторно, дорого, но зато с гарантированным результатом.

Доступ к филиалу закрыт, допросить олигарха как живого, так и мертвого тоже невозможно. Но зато можно было наведаться в славный город Сочи, где в момент преступле-

ния находился олигарх. Заодно хотелось отдохнуть на море, насладиться обществом красивых доступных женщин и объесться южными деликатесами.

Глава 3

– Несчастный случай? – надменно переспросил администратор, что-то чиркая в моей карточке постояльца. Был он немолод, выглядел уставшим после ночной смены, холёный внешне и выпотрошенный внутри – ему было также наплевать на все несчастные случаи с кем бы то ни было, как и на наводнение, унесшее десяток жизней в каком-нибудь Ласосе. – Увы. Не припоминаю.

Администратор лукавил, просто не хотел говорить об этом. Случай был, причем резонансный. Перед отбытием в Сочи я раздобыл через одного знакомца в аппарате МЧС внушительный талмуд, содержащий сухой перечень чрезвычайных происшествий интересующего меня отрезка времени на всем юге страны. Ознакомившись с оным в самолете, я узнал обо всем, что тревожило покой сочинцев и гостей города.

– У нас в Ханты-Мансийске слухи ходят, что кто-то из туристов сорвался в горах? Поговаривают, будто ваши спасатели опоздали на несколько часов. Короче, как всегда. Могли спасти человека, а они бухали и не приехали вовремя.

Я использовал проверенный способ, всегда работавший безотказно. Еще не встречал ни одного аборигена, который не постоял бы за честь родного города будь это в глухой сельской деревушке или дорогом европейском курорте. И

мой уставший старожил сочинской гостиницы не подкачал. Осоловевшие глаза мгновенно сконцентрировались на мне, взгляд готов был метать молнии, ноздри свирепо раздувались.

– Чушь! – выпалил он. – Эти альпинисты вечно лезут к черту на рога, а потом жалуются, что к ним поздно спасатели прилетают. Последнее время вообще кошмар творится. Ни дня без того, чтобы очередной идиот со скалы не сорвался или в бухте утонул. А тот случай, вообще из ряда вон. У меня зять в МЧС работает. Так вот, там и спешить было не к чему! Чего зря вертолет гонять?

– То есть? Человек ведь разбился!

– Во-во! Зачем помощь покойнику? Связь хорошая, выяснили, что остальные не пострадали. Так зачем сломя голову лететь за мешком костей? Тем более, что погода была паршивая. Понажираются как свиньи, а потом приключения ищут, – напоследок проворчал администратор, снова погружаясь в свои бумажки. – Спасай вас потом.

Понажираются – отметил я про себя, идя через фойе к лифту. Сразу вспомнилась упомянутая Матушкиным особенность того покойника в филиале – сшибающая с ног вонь крепкого перегара.

Гостиничный номер не разочаровал. На обещанные четыре звезды он не тянул, а учитывая хамоватого администратора, то едва и до трех дотягивал, но вид из окна половину недостатков компенсировал. Слепящая лазурь моря, соблаз-

нительный шум невидимого из-за роскошных кедров пляжа внизу, далекие горы с белыми сахарными головами верхушек.

Идиллию разрушил телефонный звонок:

– Добрый день! – восторженно эротическим голосом приветствовала меня незнакомка. – Поздравляем вас с приездом в наш замечательный город. И хотим порекомендовать вам эксклюзивный отдых в компании наших очаровательных девушек-экскурсоводов!

Я собрался было бросить трубку, но уже в следующую секунду понял, что за экскурсии мне предлагали. Что ж, один раз пташка помогла, почему бы не попробовать снова?

– Согласен! Но есть условие. Экскурсовод должна быть местной.

Уже через пять минут в дверь тихонько постучали:

– Отдых заказывали?

На пороге стояла очаровательная молодая особа с кукольным личиком, рыжей копной разбросанных в задуманном беспорядке волос, небольшого росточка, одетая в малиновые шорты и вздыбленную грудью короткую белую маечку на тоненьких бретельках. Из-под майки выглядывала расплывшаяся по животу и боку цветная татуировка, в пупке сверкало фальшивым бриллиантом колечко пирсинга. Глазки как всегда алчные, но, в отличии от недавнего случая, наиглупейшие. Но зато никакого амбре.

– Заходи.

Она опасливо перешагнула порог, всем телом подаваясь вперед и пытаясь заглянуть в глубь номера.

– Ты местная?

– А что? – ее недоверие усилилось и она остановилась на полушаге. Но у меня было проверенное средство от этого «недуга». Безучастные глазки девицы мгновенно зажглись алчным огнем, как только в моих руках появились деньги. – Ну, да. Живу на Крымской.

– А родители?

– Там же, на Мамайке.

Отлично. Я ей протянул задаток и тут же показал еще пару купюр.

– У тебя сегодня счастливый день. Можешь заработать и почти ничего делать не придется.

– Почти ничего? – нотки подозрения снова возникли в ее голосе.

– Отдохнем. Погуляем по городу, а ты мне все покажешь, все расскажешь. Мне случайно премия перепала, так я и решил гульнуть по полной! А то так и сидел бы в своем Ханты-Мансийске.

Услышав название города, пташка окончательно успокоилась. Словно ключ подошел к замку. Совпадение услышанного от клиента и от администратора гостиницы, который наверняка и навел сутенера этой красавицы, послужило лучшим доказательством безопасности. К тому же, запахло легкими деньгами.

Пташка одарила меня милейшей из улыбок и впорхнула в номер. Проходя мимо, она словно невзначай прижалась ко мне всем телом и недрогнувшей профессиональной рукой всего лишь кончиками пальцев скользнула от плеча до бедра. У меня аж дух захватило! Мастерица!

Через мгновение пташка уже чувствовала себя хозяйкой в номере, прошла по всем комнатам, оценила небрежно брошенный на кровати дорогой чемодан с распахнутым нутром, из шелкового чрева которого выглядывали разноцветные сорочки в упаковке, рядом на ночном столике лежали недешевые телефон и портативный компьютер с надкушенным яблоком на крышке. Увиденное определенно понравилось ей.

– А как там у вас в Ханты-Мансийске с женским вниманием?

– Когда как, – уклончиво ответил я.

– Ни за что не поверю, что северные женщины могут быть лучше южных, – с лукавой улыбкой тихо, но очень отчетливо сказала пташка. И вдруг молниеносно стянула маечку. На шорты ей потребовалось не больше времени. – Зачем бы тогда северные мужчины ехали сюда?

Она видела, что нравилась мне и пользовалась этим. А я и не сопротивлялся.

Прильнув ко мне действительно соблазнительным телом, на которое мой организм мгновенно отреагировал, она прошептала:

– Ты мне нравишься. Дурачок. Уставший дурачок. Сбе-

жавший от жены, от работы, от детей. Я тебе помогу отдохнуть.

Через два часа мы с пташкой сидели в ресторане отеля и мило трепались за ужином. Я играл свою роль, она – свою. Ее взгляд с каждым разом все дольше задерживался на моем кошельке, маячивший у бара крепкий паренек тоже перестал притворяться случайным посетителем и многозначительно переглядывался с пташкой. Пускай тешатся и делят мои деньги.

– Чему ты улыбаешься? – с фальшивой томностью спросила она.

– Вспомнил, что ты со мной вытворяла, – соврал я, хотя на самом деле представил ее лицо, когда простой и явно не раз осуществленный план рухнет, «дурачок из Ханты-Мансийска» исчезнет, а вместе с ним и его деньги.

Девчонка мне уже была не нужна. Я от нее получил все – в прямом и переносном смысле. Пташка в постели оказалась лучшей из всех, с кем мне ее приходилось делить последние годы. Но куда полезнее был ее безостановочный треп. Вот в тоннах шелухи последнего я и нашел два самоцвета. Во-первых, обитательница района Мацесты мне во всех подробностях рассказала забавный случай, приключившийся с каким-то московским банкиром, – на него устроили покушение, прямо на катере изрешетили из автоматов, катер взорвали, а подоспевшей полиции оставалось только вытащить

из воды обугленное тело бедняги. Все это девчонка рассказывала, чуть не покатываясь со смеху. Но больше всего ее развеселило то, что банкира погрузили не в цинковый гроб, чтобы отправить посылкой жене, а в санитарный вертолет. Во-вторых, она посетовала, что богатенькие отдыхающие пошли странные. Вместо традиционного отдыха с девочками предпочитают лезть кто в горы, кто под воду, кто к черту на рога. А если и возвращаются оттуда, то им уже не до девочек – вроде того банкира.

И вот тогда-то у меня и возник спонтанный план. Как только пришло сообщение о ждущем возле отеля такси, я отпраился в туалет. Словно бывалый жиголо, я по пути в уборную юркнул в служебный коридорчик, немного поплутал по грязным закоулкам ресторана, откуда меня на улицу выгнали плохо говорившие по-русски повара. Оставалось только вернуться в отель за вещами.

Через полчаса я стоял у стойки администратора уже совсем другой гостиницы и капризничал по поводу предложенного номера, открыто совал взятку, требовал дать самый лучший – изо всех сил корчил богатея. Судя по выражению на лицах прислуги отеля, мой спектакль удался. Но точно так же, как они ненавидели капризных постояльцев, они обожали их деньги и были готовы на очень многое ради получения оных. Носильщик, «заглотив» пару купюр, в мельчайших подробностях описал самых богатых постояльцев отеля и поведал о планах на отдых каждого из них. Официант, доста-

вивший кофе и коньяк, предоставил имена и контакты всех стоящих проводников и инструкторов дайвинга, джиппинга, рафтинга, джампинга, альпинизма, вейкбординга, кайтсерфинга и прочего каньонинга. Прошло не более трех часов после моего ужина с пташкой, как экспромтом родившийся план начал реализовываться. Я уже был не «уставшим северным дурачком», а матерым экстремалом.

Утром следующего дня я обзвонил каждого из списка, ориентируясь не столько на обещаемые посулы незабываемого отдыха, сколько на чутье. Именно оно меня кольнуло во время разговора с обладателем бесцветного голоса и заставило насторожиться.

– Нет, – отвечал его обладатель, уставший от моего напора, – я же вам говорю, что группа сформирована еще месяц назад. Могу вам порекомендовать хороших проводников. Пеший поход к озеру Кардывач в это время года очень популярен...

– Мне не нужна экскурсия для лохов! – горячился я. – Для того я, что ли, год на приисках отпахал, чтобы прогуляться по горам и попеть под гитарку идиотские песенки! Мне нужен настоящий хардкор! Чтобы на всю жизнь запомнилось!

– Я не могу, – продолжал отбрыкиваться инструктор, однако связь не разрывал. Либо не хотел случайно обидеть важного человека, либо просто набивал себе цену. – Группа сформирована, состав утвержден и согласован. Если в ней появится новый человек, пойдут ненужные разговоры и во-

просы, это может ударить по моей репутации.

– Да просто выдайте меня за своего напарника! Я же профи! Со мной вообще хлопот не будет!

– Профи, говорите?

– А то! Маршруты ниже пятерки для меня вообще пустяк!

– Пятерки? – искренне удивился инструктор. – У нас такого нет. Здесь же не Памир. Максимум двоечка, да и то с большой натяжкой. Вам точно не понравится.

Я понял, что перегнул палку, нахватавшись поверхностных сведений из интернета. Высшей категорией сложности были маршруты с номером шесть, вот я и решил чуток уменьшить свои «достижения». Пришлось срочно исправлять ситуацию:

– Понравится! Еще как понравится! Мне московские ко-реша так и сказали, что такого больше нигде не увижу. Главное, сказали, бабок не жалеи и получишь первоклассный отдых.

По участвовавшемуся дыханию в трубке понял, что рыбка клюнула.

– Ну ладно. Давайте встретимся, обсудим. Если вы действительно профи и можете себе позволить такой отдых, то у нас может что и получится.

Естественно, ни в какие походы я идти не собирался. Мне нужен был сам инструктор, его связи и его взгляд на проблему участвовавшей смертности среди богатых туристов. Было бы совсем хорошо, окажись он одним из проводников, в

группе которого произошло нечто странное со смертью и последующим воскрешением знаменитого покойника.

Мы договорились о встрече утром. Точное время он обещал сообщить позже.

Справедливо рассудив, что вряд ли мне еще представится такая возможность, я в ожидании звонка расположился в шезлонге на балконе и, обдуваемый прохладным бризом, отдался чтению книги. Невероятная роскошь в последнее время, которую позволял себе все реже.

Когда телефон обрадовал меня долгожданной трелью входящего вызова, я схватил было трубку и ошарашенный замер. Вместо инструктора мне звонила Лена. Звонила моя бывшая жена. Впрочем, она звонила всегда, когда мне было плохо. Чувствовала, что у меня появилась рана, на которую можно покапать горячим лимонным соком. И я всегда эти вызовы сбрасывал. Но в тот день изменил правилу, посчитав знаком свыше. Имя бывшей уже всплывало в деле прокурора Матушкина, как знать, может друг Сашка был прав, и она могла бы помочь дельным советом?

– Привет, Лена.

– О! – воскликнула она, явно удивленная. – Ты до сих пор не стер мой номер?

– Как я мог! Ты же лучшее, что со мной случилось в жизни.

Я живо представил, как она скривила свое до тошноты симпатичное и милое личико.

– Все кривляешься? – Лена тяжело вздохнула. – А мне вот наоборот, взгрустнулось. Перебирала старые фотографии и вдруг наткнулась на наши с тобой. Что-то нашло на меня, вот и решила позвонить... Я тебя не отвлекаю?

– Давай ближе к делу, – перешел я в наступление. – Зачем звонишь?

– Соскучилась, – соврала она и, наверное, сама себе не поверила, потому что замолчала на долгие десять секунд. Я тоже молчал, ошалев от услышанного.

– Ты?! Соскучилась по мне? – наконец нарушил я гнетущую эфирную тишину.

– Ну ладно, – уже своим искренним четким в каждом слове и циничным в каждом ударе голосом сказала она. – Прав. Сто раз прав. Я бы тебя еще сто лет не видела и голоса твоего не слышала. Но есть общее дело. Надо встретиться и обсудить.

Вот это поворот! Сама предложила. Все складывалось просто идеально. И просить о встрече не пришлось, и оставляло за мной инициативу.

– Встретиться? Ну, может быть когда-нибудь. Давай лучше по телефону...

– Нельзя по телефону, – чуть ли не прорычала она. – Приезжай. Немедленно!

– Если ты обитаешь в той же крысиной норе, где я тебя бросил, то это слишком далеко от меня.

Она раздраженно засопела, борясь с гневом, но каким-то

чудом взяла себя в руки и спокойно сказала:

– Да. Я в Краснодаре. Адрес прежний. Телефон прежний.

Жду.

Это было уже интересно. Что такого экстраординарного произошло, раз Лена не только решилась на звонок, но и терпела мои подколки?

– Слушай, серьезно, не могу. Я далеко. Не шучу.

– Приезжай, когда сможешь, – настаивала она. – Но только поскорее.

– Вопрос жизни и смерти? – пошутил я, однако получил странный и пугающий ответ:

– Да! Твоей!

И отключилась.

Я какое-то время пялился в черный экран телефона и безуспешно пытался понять произошедшее. Зачем звонила, чего хотела?

Неожиданный шум внизу отвлек меня и заставил подняться с шезлонга.

Озаряя синими вспышками округу, к отелю медленно подъезжала карета «скорой помощи». Чуть в стороне толпились зеваки, окружив бесформенное светлое пятно на земле. Приглядевшись, я догадался, что там лежит кто-то накрытый простыней или пледом. Скорее всего, покойник. Или кого-то удар хватил, или утопленник. Я сразу же невольно подумал, что это дурной знак, но буквально через мгновение, словно опровергая, где-то вдалеке протарахтел вертолет. Невольно

вспомнился рассказ пташки об эвакуации пострадавшего на яхте банкира именно санавиацией.

Меня озарило догадкой. Это была уже настоящая зацепка. Плевать на экстрим, туристические тропы и опасные горные маршруты. Нужно было пощупать нутро медицинской организации, которая занималась перевозкой пациентов по воздуху. Это очень дорогая и доступная только богатым услуга. И наверняка кое-кто из богачей был одновременно и клиентом того самого центра нетрадиционной медицины.

Снова зазвонил телефон. На сей раз это был некогда долгожданный, но уже неактуальный звонок от инструктора. Я без сожаления сбросил входящий вызов и снова начал собирать вещи.

Глава 4

Слежку я почувствовал, когда направлялся к стоянке такси. Давненько за мной никто не следил, а потому я начал подзабывать это эфемерное ощущение несуществующего шевеления волосков на затылке. Натренированный за долгие годы рефлекс проснулся и дал тревожный звоночек, будя и мобилизуя ресурсы расслабленного организма. Управляемые сознанием зрение, обоняние и прочие чувства долгих пару-другую секунд сканировали улицу, прохожих, здания, автомобили, ища источник раздражения, а подсознание уже знало, где он находится. Через мгновение обнаружился второй, затем – третий. Наверняка где-то скрывались и четвертый с пятым, но хватило и этих, чтобы осознать серьезность брошенных против меня сил.

Делая вид, что не заметил слежки, я вальяжной походкой оторванного от мирской суеты отдыхающего направился к стоянке такси. Хотя не заметить столь откровенную халтуру было сложно – затаившаяся в ночной тени белая легковушка с водителем и пассажиром, гулявший вокруг фонарного столба кавалер с букетом цветов, ворковавшая парочка на скамейке под старым платаном.

– Вам куда, уважаемый? – подобострастно улыбаясь, ко мне подскочил плотно сбитый коротыш в зеленом спортивном костюме с задранными по локоть рукавами. Настоящие

таксисты плотной группкой стояли в стороне и с тревогой наблюдали за развитием событий. Коротыш явно был не из их числа.

– Сколько будет до Краснодара? – решил проверить я фальшивого таксиста и с первого же выстрела выбил десятку. Он растерялся и на мгновение даже запаниковал, выдав себя бегаящими глазами и непроизвольно дернувшимися руками. Крепыш не знал ответа, хотя даже самый неопытный таксист на подобный вопрос всегда отвечает на подсознательном уровне.

– Сторгуемся! – крепыш наконец нашелся, что сказать, но было поздно.

– Нет, уважаемый, – с улыбкой сказал я, обходя его. – Так не пойдет. Сейчас ты говоришь одно, а в Краснодаре выкаатишь мне конский ценник. Плавали, знаем!

Лжетаксист что-то лопотал, бегал вокруг, суетился. И вдруг его словно выключили, он мгновенно отстал. Я боковым зрением увидел отмашку, которую ему дал обладатель букета. Тут же поднялась со скамейки парочка и запрыгнула в машину крепыша. Завелась, но фар не включила, белая легковушка. Ребята поняли, что посадить меня в свое «такси» не удастся и явно приготавились к реализации некоего плана «Б».

– До аэропорта подкинете гостя города? – объявил я во всеуслышание. Таксисты энтузиазма не выразили и старались меня не замечать, некоторые так и вовсе ретировались,

спрятавшись в своих машинах. Пришлось стимулировать: – Щедрого гостя!

Из темноты раздался короткий свист и в круг света ближайшего фонаря вышел крепкий высокий армянин в белой расстегнутой сорочке поверх ярко-красных шорт.

– Поехали, – он поманил меня вальяжным жестом и направился к стоявшей в отдалении безликой синей «тойоте».

– Пятьсот просто так или за три косаря с ветерком, – сказал он, не оборачиваясь. Я сразу понял, что предлагал за три тысячи оторваться от соглядатаев или за пятьсот рублей просто прокатиться до аэропорта.

– С ветерком так с ветерком, – кивнул я, садясь на заднее сиденье и пристегиваясь ремнем безопасности, но перед этим положил на переднее пассажирское сиденье пяти тысячную купюру. – Без сдачи, если просто вывезешь меня из города.

Он блеснул улыбкой в зеркале заднего вида и завел машину:

– Против музыки не возражаешь, друг?

Из динамиков грянуло что-то восточно-зажигательное, сразу поднявшее настроение, и наша «тойота» понеслась по ночным улицам, улочкам, переулкам и окраинам Сочи. Таксист не только умел водить и хорошо знал родной город, но и оказался просто башковитым парнем. Одних преследователей он оставил блуждать в узких закоулках через полминуты погони, от других избавился минутой позже, а потом он об-

наружил и довольно долго играл в пятнашки с парочкой мотоциклистов. Получилось даже забавно, выброс адреналина был такой, что не на всякой американской горке в луна-парке доведется испытать.

Однако я недооценил своих преследователей. Скорее всего от них требовалось не просто следить за мной, а остановить любыми средствами. Что они и сделали. В какой-то момент мотоциклисты вдруг отстали, словно по команде, а на следующем же перекрестке сразу с двух сторон, не оставляя шанса, поперек выскочили два фургона. Синяя «тойота» с визгом шин и заносом успела увернуться от одного, но уже в следующее мгновение правым бортом врезалась в кузов другого.

Студнем болтающийся тент кузова был последней яркой вспышкой воспоминания. Следующим оказался беленый потолок с молочно-желтыми плафонами ламп. Я очнулся, лежа на кровати, лицом к слепящему полуденным солнцем окну, голый, и остатками сознания долго пытался связать потолок и борт грузовика. Затем к вернувшемуся зрению подключились обоняние и слух, уловившее стойкий запах антисептика и эхо большого помещения. Вывод, что я оказался в больнице, напрашивался сам собой.

Последним, с каждой секундой становясь все более невыносимой пыткой, вернулось осязание. Не было мышцы в моем организме, которую не сводило бы судорогой или ломотой, не было нерва, который не горел бы огнем. Но это было

отлично, потому что я чувствовал, хоть и через боль, каждую клетку, чего нельзя было сказать о правой руке. Мелькнула даже паническая мысль, что я остался без самой ценной конечности, но беглый осмотр успокоил меня и озарил неприятным открытием – правая рука была заведена к изголовью кровати и прикована наручниками. В левом бедре торчали несколько длинных разноцветных игл с трубками, которые тянулись к пузатым пакетам с лекарством на стойке капельницы в изголовье кровати.

– Очнулся? Ну наконец-то!

Я с великим трудом перевел деревянный взгляд на источник неприятного звука и рядом с кроватью увидел типа в полицейской форме с погонами капитана и шевроном уголовного розыска. Лица толком разглядеть не удалось, доблестный служитель закона сидел между мной и окном, злые солнечные лучи превратили его в размытый силуэт. Силуэт издал гадкий звук – то ли хохотнул, то ли кашлянул.

– Спасибо, удружил! Я из-за тебя тут поселился. Второй день уже кукую!

К горлу подкатил раскаленный колючий комок и я зашелся в долгом сухом кашле. Однако на это не отреагировала ни одна сволочь в белом халате, даже не заглянула в палату, не поинтересовалась. Хороша больничка.

– Рука, – не своим голосом просипел я.

– Какая еще рука?

– Наручники. Онемела.

Чертыхнувшись, полицейский бросился освобождать руку. Онемевшая конечность безжизненной плетью упала вниз и ударилась о пол тыльной стороной ладони, но я этого даже не почувствовал. И только потом, спохватившись, он приковал к изголовью кровати левую руку, хотя опытный в этих вопросах полицейский сначала защелкнул бы на левой руке и только потом расстегнул наручники на правой.

– Полегчало? – спросил он и, не дожидаясь ответа, швырнул на кровать какие-то бумажки в файле. – Что это?

– Не вижу, – соврал я, сжимая-разжимая правый кулак, пока наконец-то не почувствовал долгожданное покалывание сначала в кончиках пальцев, потом и во всей руке.

– Это ксерокопии всех найденных у тебя удостоверений: ФСБ, МВД, МЧС, прокуратура. Есть объяснения?

Странный полицейский. Вроде бы капитан, а допрашивать не умеет, наручниками пользуется неопытно. Еще и форма эта, которую грамотные сыскари надевают пару раз в год исключительно по случаю каких-нибудь торжеств. Где же его учили? Да скорее всего нигде, это был явно ряженный в полицейскую форму и в меру дарованных природой актерских способностей изображавший стража закона.

– Есть.

– Ну?! – тот аж подался вперед в наивном ожидании признания.

– Сам читай.

– Что?

– Не что, а где. Начни с закона «О полиции». Потом проштудируй закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Ну а заполируетесь конституцией Российской Федерации. Как прочитаешь, приходи, поговорим за эти бумажки.

Полицейский вскочил и раздраженно пнул мою кровать. Странно, но болью это ни в одном моем члене не отдалось. Скорее всего какие-то лекарства начали действовать.

– Да я тебя...

– Пошел вон, – едва слышно промямлил я и закрыл глаза.

Он долгую минуту пыхтел надо мной, но потом вдруг собрал бумажонки и выбежал из палаты, что лишь подтвердило мои догадки. Как-то слабовато отыграл он роль, даже не старался особо.

За время вынужденного одиночества удалось осмотреться и сделать из увиденного кое-какие выводы. Я лежал на единственной кровати посреди просторной палаты. С трудом повернув голову, одним глазом разглядел-таки открытую дверь с темным проемом коридора, из которого доносились редкие голоса невидимых обитателей той странной больницы. Огромная палата, единственный пациент, никакого медицинского оборудования, кроме примитивной капельницы, не было даже захудалой прикроватной тумбочки.

Очередные гости ко мне пожаловали уже вечером. Место капитана занял лысый, уверенный в себе крепыш без шеи, но с солидным животом, забавно округлявшим пиджак мятого синего костюма. Этому уже не нужно было кого-то изобра-

жать, он явно был настоящим полицейским. Его окружал отряд амбалов в камуфляжных комбинезонах.

– Ознакомьтесь и распишитесь, – сказал лысый хорошо поставленным командирским голосом и швырнул мне на грудь планшет с каким-то бумажками под зажимом. – Это постановление о возбуждении против вас уголовного дела.

– Не могу, – снова соврал я, почему-то веселея, даже захотелось рассмеяться. – Рука в наручниках онемела. Ваш коллега так затянул, что отнялась. До сих пор не чувствую. Как бы ампутировать не пришлось.

– Не беда.левой распишитесь.

– Не, не распишусь. Сначала я должен прочитать документы. Но увы! Зрение уже давно не то. Очки нужны.

Коренастый хмыкнул, сверля меня ледяным взглядом.

– Не беда, – пожал плечами он и, лениво махнув кому-то за моей спиной, приказал: – Понятых сюда!

Рядом с ним возникли камуфляжные тени.

– Все процессуальные действия производятся в присутствии понятых и с использованием видео- и звукозаписывающей аппаратуры. Итак, в соответствии со статьей 14 Федерального закона «О полиции»...

Тараторил он весьма профессионально, чувствовалась многолетняя выучка. Правда, выучка это была не прожженного оперативника, а канцелярской крысы из отдела кадров или пресс-секретаря районного ОВД. Кого для спектакля нашли в спешке, такого и подключили. Правда, не понятно бы-

ло, зачем этот спектакль?

– ...принято решение о вашем этапировании в следственный изолятор города Краснодар для проведения дальнейших процессуальных мероприятий в рамках открытого уголовного дела. Вам все понятно?

– До последнего слова! – отрапортовал я.

– Не паясничайте, молодой человек, – сказал коренастый, направляясь к выходу. – Вы угодили в переплет, из которого не выбраться.

С этим было сложно спорить.

– Судя по обнаруженному у вас набору фальшивых документов, вам светит от десяти лет строго режима, – попытался запугать меня коренастый. Секунду подумал и решил усилить: – И это если еще судья добрый попадется.

– Четыре года максимум, – через силу улыбнулся я. – И то, если докажут умысел и что они вообще мои.

Коренастый дернулся как от пощечины. Но тут же совладал с эмоциями и процедил:

– При обычных обстоятельствах, молодой человек. В городе находится президент. А тут вы со своими фальшивками. К тому же...

– Вы мне, кстати, не представились и не продемонстрировали удостоверение, – устало перебил я. – Настоящее удостоверение. Ваше. С печатями, фотографией, званием?

Он какое-то время раздраженно сопел, сверля меня взглядом, а затем бросил кому-то:

– Все! Я умываю руки. С самого начала было понятно, что на такое фуфло никто не купится, особенно этот...

– Вот сам ей и скажешь, – ответил ему кто-то. – Нам было приказано допросить, вот и допрашиваем.

– Ну да, заставь дурака Богу молиться...

Крепыш в синем костюме крутнулся на каблуках и вальяжной походкой вышел вон.

– Кретин! – бросил ему вслед кто-то за моей спиной. Затем набросился на камуфлированных громил, которые играли роль понятых: – По местам!

Те нехотя, превращаясь в конвойных, замерли у изголовья кровати.

– База! База! Я опекун. Готовы доставить посылку. Прием!

Ожившая рация ответила:

– База опекуну. Готовность десять минут. Подтверди. Прием.

– Опекун базе. Подтверждаю. Готовность десять минут. Конец связи.

Сбоку мелькнула тень. Владелец рации и командир громил замер надо мной, а затем предплечье отозвалось неожиданной острой болью. Секундой позже я понял, что он мне сделал укол. Перед глазами снова все поплыло, предметы утратили очертания, звуки стали приглушенными, потянуло в сон.

Проверив пульс у меня на шее и одновременно заглядывая в глаза (я старался запомнить это лицо, но оно расплы-

валось бесформенным пятном), командир что-то невнятно сказал. Клацнули расстегнутые наручники, меня грубо схватили за ноги и под мышки, а затем швырнули на каталку.

– Твою мать! – выругался конвоир. – Все-таки вляпался в кровь!

– А когда ты не вляпывался?

Амбалы было заржали, но командир осадил. Встряхнув надо мной простыню, расправляя, он укрыл меня с головой, словно покойника. От простыни разило химической дрянью, щипавшей ноздри и саднившей в горле.

– Взяли? Выдвигаемся.

Каталку покатали, словно нарочно цепляя все углы и пороги. От тряски простыня чуть съехала и в открывшийся кривой треугольный просвет между собственными животом и ступнями ног я увидел много интересного. Оказывается, это была все-таки больница. Самая настоящая больница с дешевыми пластиковыми панелями на стенах, с постом дежурной медсестры в коридоре, с кроватями вдоль стен и распахнутыми в черном мраке больничных палат дверями. Оттуда долетали отголоски кашля, срывавшегося на стон крика.

– Неужели вы нас наконец-то покидаете? – откуда-то сзади, постепенно приближаясь, раздался властный бархатный баритон. Его обладатель мне казался великаном, всемогущим, чуть ли не моим спасителем. И словно подтверждая мои надежды, каталка остановилась. В просвет я видел, как из палат выглядывают и тут же прячутся испуганные белые

пятна лиц.

– Да, – коротко ответил командир.

– Не подумайте, что я против, но неплохо было бы меня предупредить.

– Не по адресу. Я всего лишь выполняю приказ, – в голосе командира уже отчетливо звенело раздражение, грозящее перерасти в ярость.

– Как и все мы. Но в следующий раз постарайтесь все же. Ведь мне отчитаться как-то надо, документацию привести в порядок. Этот человек как-никак мой пациент.

– Был ваш, стал наш.

– Все-таки...

– Короче, док! – чуть ли не зашипел командир. Я представил, как он готовым к броску удавом навис над трепещущим сусликом в белом халате, в которого превратился давешний великан. Надежды на чудесное спасение улетучились. – На-доел. Я тебе в прошлый раз сказал и могу повторить. Не мне претензии предъявляй. Боссу звони!

– Но у меня нет контактов. Я бы с удовольствием пообщался с милой Еле...

– Вот и общайся. Ей затирай про сроки, договоренности, необоснованные расходы и прочую херню. Меня это не касается. Я доставляю туши. Остальное идет мимо меня лесом, тундрой и тайгой. Понял?

– Я же говорю, что у меня нет... – уже совсем жалко промямлил доктор и голос его из баритона превратился в плак-

сиво-просящий тенорок. Хотя, может это мне всего лишь казалось из-за действия лекарств.

– Тебе лучше вообще не говорить. Потому что херню несешь, как только рот открываешь. Уже третий раз ты меня цепляешь, отнимаешь время. Время! За время мне платят. Нас уже вертушка ждет, а ты меня цепляешь. Все! Ходу!

Каталка снова пришла в движение.

– Да пальцы ему сломать и все дела! – подал голос кто-то из громил, второй, поддерживая отличную идею, хохотнул.

– Я тебе сейчас голову сломаю, – рявкнул командир. – Он хирург. Ему нельзя пальцы ломать.

– Но не на руках же. Можно на ноге.

– На ноге? – удивился командир. – Ну, да. На ноге можно.

Они еще долго перешучивались на тему не вредящего делу членовредительства, а я старался запомнить в подробностях услышанный разговор. Врач и конвоиры вряд ли догадывались и очень удивились бы, узнай, насколько ценной информацией они меня одарили. Возникла даже крамольная мысль, что только ради этого следовало угодить в подобную передрагу.

Дурман от лекарств мешал, но я все равно пытался выстроить в подобие системы полученные сведения. Во-первых, босс была женщиной и ее звали скорее всего Елена, хотя возможны были и экзотические варианты вроде Елестемии или какой-нибудь Елекомиды. Во-вторых, и это было уже куда важнее имен, структура организации была прими-

тивнейшая. Врачу было предложено контактировать с боссом, чтобы уладить низовой организационный вопрос. То есть управление организацией осуществлялось одним человеком в ручном режиме. Это уровень мелкой лавочки, внешне распухшей до размеров корпорации. Денег и возможностей стало много, а сознание осталось по-прежнему мелколавочным. Что, собственно, и объясняло все нелепости в истории с олигархом и прокурором Матушкиным. Подобное обнадеживало и обещало самые радужные перспективы в будущем. Вывести на чистую воду контору с таким бардаком в руководстве было легко.

В предвкушении неминуемого обличения негодяев я и не заметил, как отключился. В себя пришел от укачивающей болтанки и не сразу понял, что носилки со мной сняли с каталки и тащили. Ноги холодил свежий ветер, а в изрядно увеличившийся треугольник в районе ног, ставший моим окном во внешний мир, я со смешанным чувством тревоги и удивления увидел залитую электрическим светом вертолетную площадку с замершей на ней винтокрылой машиной. И потому, как с каждым шагом моих конвоиров вертолет становился ближе и увеличивался в размерах, я догадался, что эти сволочи несли меня ногами вперед. Мало им наброшенной простыни, так еще и несли как покойника.

Вблизи вертолет оказался не таким большим, каким привиделся сначала, имел яркую желтую раскраску с цветными полосами вдоль борта и приметными красными крестами –

вертолет санавиации.

Носилки довольно бесцеремонно скорее бросили, нежели поставили на бетон взлетки.

– Сопроводиловка? – потребовал кто-то.

Зашуршали бумаги, зацокали языки.

– Изолированная травма нижних конечностей, – бубнили прямо надо мной, – средняя тяжесть, ушиб мягких тканей, подозрение на воздушную эмболию... Стоп! Не проще ли «скорой»? С эмболией можем не доезти.

– Вези, чем хочешь, док, – буркнул командир конвоя. – Хоть на велосипеде. Теперь это ваш головняк. Расписаться не забудь.

Носилки со мной снова подняли и погрузили в салон вертолета, пристегнули ремнями прямо поверх простыни.

– Взлетаем мягко, – услышал я голос врача, словно из другой комнаты. – Если еще одного холодного привезем, то не видать премии.

– Настолько тяжелый, что ли?

– Нет. Побитый немного. Скорее всего после ДТП. Но его лошадиной дозой обезболивающего накачали и есть подозрение на воздушную эмболию.

– Это что?

– Пузыри газа в крови. Ерунда, скорее всего. В этой больнице всегда перестраховываются и пишут лишнее.

– А если не ерунда?

– Тогда не доедем. Пан или пропал.

Грузовые двери захлопнулись на удивление тихо и со звуком, больше присущим люксовому автомобилю, нежели летающей бочке. Только я успел подумать, что вертолет готовился взлетать, как ожила силовая установка машины. Поначалу я на этот свист не обратил внимания, приняв за отголоски звона в ушах, но с каждой секундой он нарастал, превращаясь в монотонный гул. Когда кушетка подо мной начала дрожать, я сквозь болезненную дремоту осознал, что причиняющие физическую боль раздражители атакуют мое тело и сознание все же извне, а не являются плодом наркотического бреда. Тем временем шум лопастей крутящегося винта нарастал, дрожь переросла в тряску и, когда стало совсем невыносимо, вертолет наконец взлетел.

Поначалу стало даже легко и я себя почувствовал парящим в невесомости без страданий и боли. Но мгновение спустя прилив блаженства сменился захлестнувшим шквалом страдания. Я не раз терял сознание и выплывал из липкого небытия в сопровождении терзавших кошмаров моего реального прошлого, вернее одного единственного, но с разным исходом. Снова вертолет, снова кушетка, снова взлет, снова боль. Вот только вертушка была не чистенькой иномаркой, а старым гремящим армейским транспортником, битком набитым такими же ранеными. Город был не уютным летним Сочи, а забытым в кровавых девяностых годах прошлого века слякотно-осенним Гудермесом. И болело не все тело, а развороченная осколком нога, но болела так, что не

помогали никакие обезболивающие и ни стонать, ни терпеть боль не было сил. В реальности меня, молодого офицера военной прокуратуры южного военного округа, благополучно довели до Владикавказа, прооперировали и спасли ногу. В кошмарах же я горел в падающем вертолете, бился во время ампутации ноги без анестезии, безуспешно пытался выбраться из-под горы заиндевевших трупов в изодранной военной форме, тонул в озере огня вместе с обломками рухнувшего вертолета.

Когда я в очередной раз пришел в себя, то не сразу понял, что меня окружала тишина, что кушетка подо мной больше не тряслась и что вертолет, похоже, стоял на земле. Неужели прилетели?

– И долго? – спросили прямо надо мной. Голос, вроде как, принадлежал врачу.

Ответ я не расслышал, говоривший был снаружи.

– И как мы объясним, что места нет? Это же не автобус!

Снова неразборчивое бурчание.

– Ну разве что так. Если контейнер стандартный, то можно и штабелем. Тушу сверху привяжем.

Вдруг все разговоры прекратились и скоро до моих ушей донесся шум подъехавших автомобилей. Захлопали дверцы, слышались крики.

– Это еще что? – услышал я и буквально кожей почувствовал, что говорили обо мне.

– Груз.

– Убрать! – не признающим возражения тоном приказал некто.

– Нет. Наш груз приоритетный, – спокойно сказал доктор.

– Да ты знаешь, кто это?!

– Не имеет значения.

– Да что б тебя... Саня, Толя! А ну сюда!

– Прекратите балаган. Лучше помогите закрепить наш груз поверх вашего контейнера. Только так мы отвезем вашего подопечного в Краснодар. Или вместе с нашим грузом, или он не летит вовсе.

В Краснодар! Мы таки летели в Краснодар.

– Ладно, – уже без былого запала буркнул обладатель властного голоса. – Саня, Толя! Давайте, выгружайте этого, на носилках.

Упомянутые Анатолий и Александр выволокли мою кушетку из вертолета и бросили на землю. Бросили так, что в глазах у меня пара фейерверков выстрелила под звук клацнувших зубов. Рука дернулась было, рефлекторно потянувшись к ушибленному затылку. Спohватившись, я настороженно замер, но, похоже, мою неуместную активность никто не заметил. Вряд ли этому способствовало небрежное обращение с моим бранным телом, скорее всего просто ослабло действие обезболивающего и мне бы очень не хотелось получить новую дозу. Для верности шевельнув нижней челюстью и почувствовав это, я с животным наслаждением облизал пересохшие губы. Организм просыпался, медленно вы-

бирался из трясины лихорадочного забытья. При этом я понимал, что скоро вернется и настоящая боль. Но даже это в тысячу раз лучше давешнего паралича с единственным вариантом лежать и пялиться в одну точку.

Зажав уголок простыни пальцами ног, я с величайшей осторожностью потянул, каждую секунду ожидая окрика. Но моя хитрость осталась незамеченной и удалось освободить от укрывавшего меня савана сначала правый глаз, а потом и левый. На этом я благоразумно остановился, надеясь, что со стороны все выглядело так, будто простыня сползла сама.

Получив возможность не только слышать, но и видеть происходящее, я первое время не мог сориентироваться. Вертолет, фрагментарно выхваченный из темноты несколькими мощными лучами, нависал надо мной громадой корпуса. Я лежал на земле у левого борта и из-под днища мог наблюдать за мельтешением ног по правую сторону. Насчитал семерых, не считая людей в летных и медицинских комбинезонах.

Поняв, что мной вообще не интересуются, я уже смело огляделся. Перед вертолетом стояло несколько черных джипов и фургонов с включенными фарами, которые объезжала, опасно раскачиваясь на неровностях дороги, белоснежная карета «скорой помощи». Обогнув вертолет, она на какое-то время выпала из поля зрения, но потом снова возникла уже позади вертолета, неуклюже пытаясь пристроиться к нему максимально близко. Когда же распахнулись ее

задние двери, давая возможность разглядеть содержимое, у меня внутри все сжалось. Конечно, была вероятность ошибки, действие лекарств и обманчивость ночи могли сыграть со мной злую шутку, но сомнения отпали, когда выволокли из медицинского фургона что-то похожее на обтекаемый черный саркофаг с плоским дном. По бокам у этого корыта имелся ряд рукоятей для переноски, чуть выше виднелся шов, разделявший массивное основание и полупрозрачный матовый колпак. Вживую эту диковину я видел впервые, но по описанию прокурора Матушкина точно знал, что именно увидел – точно такой же контейнер стоял рядом с трупом олигарха.

В сопровождении сопенья и шарканья ног саркофаг бережно занесли в вертолет. Через минуту туда же отправили и носилки со мной, снова привязали. Мордовороты не обратили внимания на мое почти открытое лицо и позволили рассмотреть салон изнутри. Контейнер стоял на месте моих носилок уже пристегнутый множеством ремней и у меня создалось впечатление, что это не первая и далеко не спонтанная перевозка подобного груза. Под него имелась площадка с системой ременной фиксации и ограничителей, из открытого в носу лючка этого гроба тянулся широкий шлейф проводов, подключенных к электросистеме вертолета.

Врач сразу заметил съехавшую простыню и, хоть я и изображал лежащего в беспомощности с закрытыми глазами, резким рывком натянул ее обратно. Сделал это буднично, без-

различно, как уставший санитар в морге. При этом смотрел он будто сквозь меня.

Тем временем возникла новая, но вполне предсказуемая проблема.

– А вы куда собрались?!

– Мы должны сопровождать!

– И без вас перегруз намечается, – отрезал доктор.

– Ну тут еще много места!

– Это не маршрутка со стоячими местами! – голос доктора уже звенел. – Самый легкий из ваших троглодитов утяжелит вертолет на центнер, а у нас каждый килограмм на счету.

– Тогда выкидывайте этого вашего! Без сопровождения нельзя!

Возник проблеск надежды, что меня все-таки действительно выбросят или хотя бы доставят в Краснодар менее шустрым и опасным транспортом. Но доктор погасил надежду:

– Мы это уже обсуждали. К тому же, быть может именно эта туша предназначена для вашего клиента? Вы его сейчас выкинете, а в Центре окажется, что он был единственным подходящим донором.

И двери вертолета захлопнулись, одновременно и мне отрезая путь к спасению, и обладателю властного голоса вместе с троглодитами не давая попасть внутрь вертолета.

Взлет возымел не столь разрушительное воздействие на мой истерзанный организм, как в прошлый раз. В начале, ко-

нечно, замутило с одновременным появлением стойкого позыва провалиться в небытие. Но я переборол желание плоти, в моем положении лишиться сознания было равнозначно утрате жизни. Я должен быть готов использовать любой шанс спастись, а сделать это будет проблематично в беспамятстве.

Скрытый простыней, я принялся осторожно разминать мышцы. В сопровождении с дыхательной гимнастикой систематическое сокращение и расслабление мышц от кончиков пальцев ног до шеи хорошо помогли привести тело в тонус. Разминка помогла убедиться и в цельности всех костей. Налфубин, промедол, фентанил и прочая химия, которой меня пичкали последние сутки, могли сыграть злую шутку с организмом. Не раз видел, как люди довольно шустро бежали с простреленными ногами и сломанными ступнями всего лишь под действием адреналина. Самое гадкое в этих историях, что потом эти шустрые беглецы попадали на стол к хирургам для ампутации, потому что вылечить столь запущенные переломы и повреждения было невозможно.

Неожиданно я каждой клеточкой организма почувствовал, как вертолет слегка накренился в повороте и как будто провалился, еще противнее взвыли двигатели, закладывая уши. Летчики молодцы, совершили вираж и посадили машину очень аккуратно, будь я не в полуобморочном состоянии, то и не заметил бы. Борясь с желанием блевать и одновременно пытаясь определить, где верх, а где низ, я с удивлением обнаружил отсутствие тряски и относительную

тишину. Турбины еще какое-то время посвистывали, с каждой секундой стихая, но того сверлящего в основании черепа гула уже не было, принося невероятное облегчение. Тем временем в салоне вертолета началась возня. Неразборчиво бубня и постоянно задевая мою койку, кто-то сновал взад-вперед, раздавались щелчки многочисленных тумблеров и клацанье защелок.

Когда открыли люки, в медицинскую затхлость летающего госпиталя ворвался прохладный воздух, наполняя пространство свежими ночными ароматами и новыми звуками, прежде всего голосами. Снаружи скандалили, причем даже без контекста было понятно, что кого-то пугали невообразимыми карами.

– То есть как? – услышал я голос врача. – Нам ничего не сказали. В сопроводилровке...

– Заткнись! – прорычал кто-то. – Что вы ему вводили?

– Ничего. Мы его приняли в таком состоянии.

– А это что в сопроводилровке?! Вот! И вот!!! Ты читать умеешь, животное? Тебе же прямым текстом сказали, что шкуру спустят, если хоть один волосок с его головы пострадает. А ты его вообще овощем привез!

Мне сразу захотелось заглянуть в саркофаг и узнать, кого же столь важного привезли вместе со мной.

– Да я думал, что тушу везем для какой-то шишки...

– Тушу?!

– Да беспокоиться не о чем. Все показания в норме. Пульс,

дыхательный ритм, давление в пределах...

– Я тебе такие пределы покажу, тварь!

Чья-то волевая рука сорвала с меня простыню.

– Он еще и связан! И почему он голый?!

Послышались хлесткие звуки разрезаемых ремней. Мгновенно стало легче. И внезапно оказалось, что речь шла не об обитателе саркофага, а обо мне. Про саркофаг вообще забыли.

– Одеть его!

– Но...

– Вот сам и раздевайся! Размер, похоже, один. И тапки свои не забудь.

И врач принялся покорно стягивать комбинезон и мягкие белые туфли. Через минуту я лежал, уже одетый и со стороны наверняка напоминал просто прикорнувшего доктора.

– Почему он без сознания?!

– Не знаю. Странно. По идее...

– Заткнись! В реанимацию! Немедленно!

Носилки со мной бережно вынесли из вертолета. Сквозь прищуренные веки я огляделся в поисках моего освободителя и очень удивился, увидев коренастую женщину в зеленой медицинской спецодежде с отражающими полосками на штанах и куртке. Правда, принадлежность к слабому полу была условной и дама напоминала чемпионку мира по метанию молота. Такая половину мужиков на ноль помножит не задумываясь. За ней стоял грузовой черный микроавтобус с

распахнутыми дверями и толпилось с десятков народа в такой же спецодежде, как и грозная мадам с прокурено-простуженным голосом. Чуть поодаль замер промышленный погрузчик с манипулятором на стреле. Над ними, теряясь в рассеянном электрическом свете, нависала темная громада многоэтажного здания.

Как только меня выволокли из вертолета, погрузчик рыкнул мощным дизелем и, лязгая раскачивавшимся манипулятором, тронулся с места. Оживились и люди. Через секунду вокруг саркофага началась суeta. Но как его извлекали из вертолета и грузили в фургон, мне увидеть не довелось. Загораживая окрестности могучими плечами и прочими атлетическими частями тел, двое дюжих молодцов схватили носилки со мной и по хорошо освещенной дороге чуть ли не бегом понесли к зданию. Слава Богу, понесли теперь уже головой вперед.

Как только наша процессия свернула за угол и попала на скудно освещенный участок, я внезапно для санитаров «ожил». Вряд ли они поняли, что произошло. Несший носилки сзади лишь успел округлил глаза и открыть рот, когда я вырубил его ударом ноги в подбородок. Санитар утробно булькнул, будто поперхнулся, а затем рухнул на меня, не выпуская носилок. Его напарник сразу же выронил ставшую непомерно тяжелой ношу, по инерции прошел пару шагов и только потом бросился помогать упавшему товарищу, и скоро «прилег» рядом. Со стороны выглядело так, будто его

ударил лежавший на мне санитар. На самом деле бил я, точно в стык верхней и нижней челюстей, отработанным и проверенным ударом, на несколько минут выбивавшим дух из любого.

Полежав несколько секунд и собирая мгновенно растратенные силы, я кое-как спихнул с себя две туши и впервые за сутки поднялся на ноги. Ощущения были так себе, словно это не я только что, а меня нокаутировали. Перед глазами плавали фиолетовые пятна, окружающий мир раскачивался, будто я стоял на палубе корабля в пятибалльную качку.

Держась стены здания, я побрел в противоположную сторону, благо там и электрического света было поменьше и вроде как различались очертания высокой ограды.

Подойдя ближе, я действительно обнаружил забор из темного металлического профиля, однако его высота кроме отчаяния никаких эмоций не вызывала. Перелезть-то, наверное, я бы смог, особенно изнутри по каркасу, но спрыгнуть с него на противоположную сторону без травм вряд ли получилось бы. Чертыхнувшись, я побрел вдоль забора.

Путешествие показалось многочасовым с перспективой превращения в бесконечное. В действительности оно вряд ли длилось больше пяти минут, сказывались общая слабость и крепнувшее ощущение безнадежности. Не добавляло уверенности и полное отсутствие информации о месте, куда меня привезли. Простая больница, пенитенциарное учреждение, пресловутый филиал центра нетрадиционной медици-

ны, на сей раз краснодарский? От этого зависела специфика охраны и сил, которые должны были бросить в погоню за мной. Каждую секунду я ждал воя сирены, криков, остервенелого собачьего лая и метавшихся в темноте лучей прожекторов. Тела санитаров уже должны были обнаружить и поднять тревогу, но почему-то ничего не происходило. Я это воспринимал как часть хоть и непонятного, но все же плана. Была и надежда, что меня вообще не хватились, но я всегда исходил из худших вариантов развития событий. Если в моей изрядно оскудевшей чаше кармы еще оставалось хоть несколько чудесных капель удачи, то искать меня должны внутри здания, вокруг вертолетной площадки или где-нибудь еще дальше от того бесконечного забора, вдоль которого я плелся. Мне нужно было всего несколько минут форы.

Выход обнаружился внезапно. Забор уперся в ярко освещенную будку со шлагбаумом, за которым была свобода. От шлагбаума убегала желанная, манящая приглушенным белым светом уличных фонарей дорога в город, огни которого просматривались впереди за деревьями сквера. В будке обнаружился невероятных размеров жирный тип в униформе с нашивками охранника, но он сладко спал на стуле под убаюкивающий голубой свет мониторов камер слежения. На одном из экранов я увидел себя, заглядывавшим в окно будки. Чуть ли не с обожанием глядя на храпевшего толстяка, я сразу успокоился. Если здесь так обстояло дело с охраной, то никакой это не режимный объект, где подобные типы при

трудоустройстве даже собеседование не прошли бы.

Прокравшись мимо шлагбаума, я просто вышел на дорогу, взял чуть в сторону от ее освещенной части и, спотыкаясь, побрел в город. Тем более, метров через сто обнаружился какой-никакой тротуар и можно было плутать по ночным улицам без опаски попасть под колеса случайного авто.

Получасовая прогулка забрала остатки сил, но принесла и долгожданный результат. По номерам на машинах и названиям улиц я с успокоением констатировал, что меня таки доставили в Краснодар.

Первое попавшееся неприметное место, где можно было бы передохнуть, оказалось скамейкой возле закрытого продуктового магазинчика. С облегчением откинувшись на жесткую спинку, я закрыл глаза. Оставалось надеяться, что я напоминал уставшего выпившего человека, к которому со стороны окружающих обычно не бывает ни вопросов, ни претензий.

Очнулся я от неприятного раздражителя и не сразу понял, что это был бивший в глаза свет, чувствовалось даже исходящее от него тепло. Он был так ярок, его было так много, что казалось, будто кроме света в мире ничего не осталось.

– Живой! – свет резко скакнул в сторону и потух. – Эй! Доктор! Ну и нализался. Медицина, слышишь?! Ты на работу или с работы?

Кто-то стремительно наклонился к моему лицу, с шумом втянул воздух и тут же отпрянул.

– Не, он не пьяный. Лекарствами разит. Наркоман, что ли?

– Не, походу просто устал. Тут рядом больничка, оттуда наверное. С дежурства на автопилоте прет. У меня сеструха так же вкалывает в БСМП.

Щурясь, я во мраке разглядел две фигуры, вроде как в форме.

– Ребята, сморило меня, – выдавил я из себя, на лету подхватывая подброшенную идею с усталостью на работе. – Вторые сутки на ногах. Оптимизация медицины на марше. Работать некому, вот и приходится...

Ко мне кто-то наклонился, в лицо ударил жар чужого дыхания.

– А ну-ка!

Меня подхватили и с другой стороны, а потом буквально понесли.

В ходе короткого разговора выяснилось, что парни были казаками и возвращались домой после ночного патруля. Балагурия и подбадривая меня, они живо донесли мое мало на что годное тело до стоявшей невдалеке машины.

– Тебе куда, медицина? Домой или на работу? Можем подбросить.

– Да нет, не нужно...

– Не дело на улицах спать. Сейчас хоть и лето, а сквозняком легко может прохватить.

– Да и мало ли, – вторил ему другой. – Ночью лихих людей хватает. Обидеть могут.

– Так куда тебя?

И тут-то в голове сам всплыл адрес бывшей жены. Помнится, она в гости звала накануне? Вот и повод нашелся.

– Гидрострой. Улица Мачуги.

Поначалу казаки напряглись, заставив меня насторожиться – вдруг, это все-таки не Краснодар, но потом все объяснилось.

– Далековато, – с растягом сказал один и посмотрел на другого, неловко почесывая затылок.

– Вот я и говорю, – ухватился я за возможность. – Ничего со мной не станется. Сейчас такси вызову и все будет нормально!

– А деньги-то у тебя есть? – засомневался первый.

– Да какие сейчас деньги? «Яндекс» вызову и...

И я осекся, поняв, что у меня нет ничего, кроме медицинской униформы. Спасая ситуацию, я для вида похлопал себя по груди и бедрам в поисках телефона.

– Да что же это? Вроде брал. Помню же, что брал.

– Походу, тебя уже обчистили, медицина! – весело констатировал казак, невольно подыгрывая мне.

– Ладно, – мрачно сказал другой, как-то обреченно махнул рукой и распахнул заднюю дверь старенькой «хонды». – Поехали.

Глава 5

Я сидел на крошечной, но уютной и по последнему слову дизайнерской моды обставленной кухне, кутался в белоснежный чуть влажный после душа халат и ел глазунью с помидорами. Внутри меня волнами тепла разливалось блаженство, в тот момент я чувствовал себя счастливейшим человеком на свете. Дополняя великолепие момента, напротив сидела самая красивая женщина. Без преувеличения. В сиреновом махровом халате на голое тело и красных плюшевых тапочках, чуть припухшая после сна, с растрепанными волосами, Лена шокировала невероятной красотой. Я смотрел на нее и, не веря глазам, безуспешно пытался найти рациональное объяснение увиденному. Нашу последнюю встречу разделяли годы, которые просто обязаны были нещадно изменить нас. Меня-то они не пожалели, прожитое и пережитое отпечаталось в каждом из тысяч моих шрамов и морщин, а Лену просто обошли стороной. Густые светлые волосы до плеч, идеальные черты лица, точеная шея, длинные ровные ноги, выпиравшая из полураспахнутого халата полная грудь размера этак третьего, кожа без единого изъяна. Все это было как морок. Понятно, что современные косметика, фитнес, здоровый образ жизни и пластическая хирургия творят чудеса, но не настолько же! Лена была не просто хороша, желанна, молода – она в свои сорок выглядела лучше, чем в

былые двадцать пять. И даже подумать было страшно о стоимости подобных преобразений.

– Что? – спросил я, кожей чувствуя на себе ее взгляд.

– Прости! – она закрыла лицо руками и прыснула смехом.

Вернее, попыталась изобразить нечто подобное, но получилось неправдоподобно. – Видок у тебя еще тот!

– Это еще что! Видела бы ты меня вчера.

– Даже пытаться не буду это представить.

Разговор не клеился, и я решил сменить тему:

– Ну? Как у тебя дела?

– Узнал бы, если бы захотел говорить, когда я тебе звонила, – со знакомой колкостью сказала она. – Когда это было?

Вчера, позавчера?

– Прости, не мог. Был занят.

– Как всегда. Ты всегда занят.

– Увы! И все же? Как ты, где ты, кто ты?

– Почти без изменений, – не сказала, а процедила она.

– Батрачишь в этом своем институте? – с намеком спросил я, намекая на более чем солидные заработки моей бывшей. – Он еще не закрылся? Слышал, наука у нас в загоне.

– Из института я ушла, – сказала она, подтверждая мою догадку. – Но тему свою развиваю. Нашла инвестора, работаю потихоньку.

– Ух ты! Поздравляю! Тема все та же? – Я наморщил лоб, пытаюсь вспомнить. – Что-то там с вегетацией? Помнится, у тебя с моим отцом совместный проект был, вы статьи писа-

ли, книжку издали...

– Ничего не получилось, – перебила Лена. – Он отказался.

– Странно. Ты ему очень нравилась, иногда я даже ревновал.

Она улыбнулась, но ничего не сказала.

– В наших дразгах он всегда был на твоей стороне. Говорил, баб вокруг навалом, а стоящего молекулярного биолога еще поискать. Он почему-то уверен, что мы развелись из-за меня. Не стал его разочаровывать.

– Ты недооцениваешь своего родителя. Он все прекрасно знает.

– Да? Так кошка между вами пробежала все-таки из-за меня?

– Забудь, – отмахнулась она. – Ты здесь вообще ни при чем. Твой отец талантливый ученый, но у него кишка тонка. Без обид!

– Даже так? Ого! Так что там с вашим проектом?

– Не было никакого «нашего» проекта, – резко сказала Лена, начав раздражаться. – Был мой эксперимент, который курировал твой отец. Когда он начал мне мешать и тянуть одеяло на себя, я избавилась от него.

– Стала сама работать?

– Самой в этом деле сложно. Место твоего отца занял другой ученый. Настоящий гений!

– Прямо-таки? Познакомь! Всегда мечтал увидеть живого гения.

– Непременно, если только... – она вдруг осеклась, а затем вдруг вскочила и бросилась ко мне, протягивая руки. Не понимая, что произошло, я с удивлением смотрел на внезапно выпавшую из моей руки вилку с куском яичницы, а потом в глазах потемнело и что-то горячее толчками ударило в голову, снова бросая в черную бездну беспамятства.

Очнулся я в спальне, на огромной двуспальной кровати. Как и ранее виденные прихожая, ванная и кухня, комната была очень дорого и явно в соответствии с некими модными тенденциями отремонтирована. Мебель тоже была под стать – стильная, яркая, кричаще дорогая. Кровать изголовьем упиралась в радиатор отопления под окном, по обе стороны стояли небольшие тумбочки-комоды с изящными светильниками. С потолка, давя несоразмерностью, свисала огромная люстра. Двуспальная кровать, две тумбочки, большой стенной шкаф для двоих – все вроде как намекало на проживание в этом гнездышке пары, однако меня не отпускало ощущение бутафории. Вся квартира была шикарной, дорогой, кричаще богатой, но не жилой, напоминала скорее выставочный, витринный образец в мебельном магазине. Там не то что двое не жили, но я сомневался, что хоть кто-то обитал в том идеально чистом без единой пылинки мирке. А еще эта квартира была мне чужой, хотя когда-то мы в ней несколько лет прожили с Леной, я даже ремонт там делал, ориентировался с закрытыми глазами, знал каждый ее уголок. Но это было когда-то, давно, в прошлой чужой жизни.

Я попытался сесть, но неожиданно твердая и сильная рука Лены не позволила.

– Лежи, идиот. А то снова падать начнешь, таскай тебя потом...

– Зачем ты звонила? – вдруг прямо сказал я, чувствуя, что просто физически не смогу и дальше играть в странную, не мной затеянную игру.

Лена напряглась.

– Да так...

– Прекращай. Ты ведь за всем этим стоишь?

– За всем этим?

– Сочинская больница, санитарный вертолет, ростовский филиал.

Ее глаза заметались по комнате, дыхание участилось, руки в поисках опоры начали шарить по комоду. Она никогда не умела владеть собой.

– А теперь эта квартира...

Лена тяжело вздохнула, затем кивнула, не поднимая глаз. И вдруг рассмеялась. Как ни странно, смеялась искренне.

– Я знала, что ничего не получится. Ничего! – громко сказала, почти крикнула она, будто адресовала это кому-то еще за пределами квартиры. – И поделом. Надо слушать умных людей.

– Или поделись контекстом, чтобы я понял, или... – я поперхнулся, снова чувствуя подкативший к горлу мерзкий комок.

Лена, осуждающе покачав головой, рванула штору и распахнула окно. В комнату ворвался свежий воздух, которого мне очень не хватало. Затем из верхнего ящика правого комода достала пластиковый контейнер, в котором оказался большой шприц с уже набранным лекарством. Я был бы и рад сопротивляться, но накатившая липкая слабость превратила меня в беспомощное бревно.

– Не дергайся, – сказала Лена. – Не для того тебя сюда заманили, чтобы убить. Ты мне нужен живой и бодрый. К тому же, слишком сложно. Убить проще было в Ростове или в Сочи.

Выверенным движением руки, даже не глядя, она протерла спиртовой салфеткой будущее место укола, а затем ввела содержимое шприца.

Хоть логика в ее словах и была, но я все равно ждал подвоха, однако результат укола развеял опасения. Исчезла слабость и головная боль, начала стихать ломота во всем теле.

– Спасибо. Полегчало. – Я потянулся, с наслаждением ощущая каждую клеточку организма и не чувствуя боли, затем сел на кровати. – Так что там насчет «сюда заманили»?

– Хотела бы сказать, что я заманила, но нет. Я была в роли приманки. Умники из аналитического отдела службы безопасности составили твой психологический портрет. Типа, изучили твои соцсети, историю покупок в интернет-магазинах и психофизическое состояние. Я чуть не описалась от смеха, когда читала! Они были уверены, что ты в шаге от су-

ицида и побежишь ко мне, как только я поманю.

– Соцсети? – удивился я. – У меня есть пара левых аккаунтов для дела, но там ведь лажа. А в инете я только технику покупаю, опять же для дела.

– Вот и я о том же. А чтобы не оставить выбора, решили загнать тебя в угол, заморозив все счета и устроив травлю. Хотели еще свозить тебя в Брюховецкую и продемонстрировать размах, чтобы ты обделался от увиденного и послушным теленком приплелся ко мне.

– Куда свозить?

– Это наше подразделение. Здесь недалеко, – уклончиво сказала Лена. – Но ты им помешал, сбежал.

Она прыснула смехом.

– Спутал все карты и сломал выверенную до последнего нюанса схему. Теоретики хреновы. Идиоты! Я сразу сказала, что это тебя только подстегнет. Надо было тебе прямо предлагать сотрудничество: цели, задачи, сумма гонора. Все просто и без затей.

Да, теоретики были идиотами, но и моя бывшая недалеко от них ушла. Она все еще была уверена, что знала меня и видела насквозь.

– Я так им и сказала, что лучше предложить тебе все ответы по делу Матушкина и ты сам прибежишь. А потом просто купить тебя. И вуаля, дело в шляпе!

Меня резануло слово «купить», однако я решил зацепиться за другое:

– То есть, вы и Матушкина грохнули, чтобы меня припугнуть?

– Плевать на Матушкина, – сказала Лена, однако глаза снова отвела. – Это уже прошлое...

– Нет, давай уж поговорим о Матушкине. Будь последовательна. Сама обещала мне дать ответы.

– Не обещала, – покачала головой Лена. – Я предлагала рабочую схему. Да и не могу на все вопросы ответить. Матушкиным занимались другие люди. Вот у них потом и спросишь.

– Говори, что знаешь, – настаивал я. – История с олигархом в вашем ростовском филиале была?

Глаза Лены опять забегали.

– Была. Но не было никаких трупов и прочей чуши.

– Что же видел Матушкин?

– Да откуда я знаю, что он видел и что тебе наговорил?! У них там свои крысиные разборки, а ты меня втягиваешь...

– Идею обратиться ко мне подбросила ты?

– Не лъсти себе, – уже искренне сказала Лена. – Не такая уж ты и важная птица, чтобы ради тебя затевать весь этот бардак. Когда дурак прокурор решил поднять бучу, наша безопасность планировала нейтрализовать всех причастных. Кому заткнуть рот, кого купить, кого ликвидировать. Тебя хотели убить. Понял? Просто убить! Пока не вмешалась я. Чудом наша безопасность узнала, что ты мой бывший муж. Тебя спасло наше общее прошлое. А потом я предло-

жила тебя просто нанять.

– Нанять? Или купить?

– Это одно и то же, – отмахнулась Лена. – Мы безопасности платим за предельные деньги, а работа до сих пор не налажена. Если охрану на местах они организовали более-менее, то разведки и контрразведки у нас попросту нет. Никто не умеет планировать, выстраивать стратегии развития и упреждения. Вот этим ты и займешься.

– Это не мой профиль...

– Твой! – не дала мне договорить Лена. – Ты отличный аналитик. Но прежде всего, ты будешь работать и при отсутствии результата честно скажешь, что его нет, а не станешь просить еще больше денег.

Было похоже, что моя бывшая уже считала меня нанятым и купленным. Пришлось ее разочаровать:

– И все-таки, как ты оказалась в этой квартире?

Сбитая с мысли, Лена свирепо глянула на меня.

– В квартире? Ах это...

Она вдруг перебралась ко мне на кровать, села по-турецки, достала из кармана халата сигареты с зажигалкой, закурила. Шикарный аромат дорогого табака мгновенно заполнил комнату.

– Квартира моя. Опять моя. После нашего развода были трудные годы, пришлось продать. Сама жила в комнатке при лаборатории. Но потом выкупила обратно. Это мое место силы. Иногда навещаю сюда, ностальгирую. Здесь очень

хорошо думается.

– Сегодня именно такой день?

– Нет. Я работала на своем предприятии в Брюховецкой, отсюда полтора часа на машине. Когда мне сообщили, что ты сбежал, я уже знала, куда ты пойдешь. Почувствовала. И не ошиблась.

Последние слова она произнесла чуть ли не шепотом, пристально глядя на меня сквозь упавшую на лицо челку.

– Я так поняла, мое предложение тебе не подходит?

– Ты же меня знаешь, – с улыбкой ответил я. – Я таким не занимаюсь.

– Таким?

– Угу, таким. Всем таким, что за гранью.

– Ты бы хоть поинтересовался, вникнул, проникся...

– Хватит того, что я уже знаю. А знаю я мало. Боюсь, если узнаю все, то...

Лена вскинула голову, резким движением забросила назад волосы и замерла истуканом, глядя на качаемую сквозняком штору. Замер и я, любуясь ее красотой, близкой, желанной, но не доступной.

– Нужно уточнять, что будет альтернативой отказу? – спросила она.

– Нет. Я понятливый.

– Тогда у нас патовая ситуация. – Она холодно улыбнулась, но при этом осторожно потянулась рукой за пазуху. Под тканью халата на мгновение проступили очертания чего-то

жесткого. – Разве что ты...

– Что там? Оружие? Или очередной шприц?

Лена вскинула брови в искреннем недоумении, а затем поняла, что я имел в виду.

– Это? Нет! – она медленно извлекла продолговатый предмет размером с книгу карманного формата. Помедлив в нерешительности, она протянула его мне. – Всего лишь электронное устройство. Медицинское. Мое изобретение. Изрядно облегчает существование. А уж как помогает при похмелье! Тебе бы понравилось! КУБ.

– Куб?

– Коммутативное устройство безопасности.

Предмет оказался легким, монолитным, лишь в торце была пластиковая шторка, под которой скрывалось обычное интерфейсное гнездо для зарядки и передачи данных. Я вернул устройство, посчитав безопасным. Лена же схватила его так, словно мать потерянного ребенка, и спрятала обратно за пазуху.

– Значит, ты меня убивать не будешь?

– Опять ты за старое! – со стоном воскликнула она. – Нет же! Ты нужен живой. Мы вообще никого не убиваем, это бессмысленное расходование ценного ресурса. Не знаю, что ты там себе нафантазировал, но мы человеческую жизнь ценим дороже всех на свете.

– Но и уйти мне не дашь.

– Я всего лишь слабая хрупкая женщина. Как я могу тебе

помешать? – с грустной улыбкой она развела руками. – А вот те, кто ждут тебя на выходе из квартиры, не дадут.

– А если ты скажешь, что мы договорились?

Она покачала головой, продолжая улыбаться.

– Мало сказать. В этом случае предусмотрена определенная последовательность действий. Тебе не понравится.

– А вдруг?

– Без вдруг. Нас слушают, – со вздохом сказала Лена, – обмануть не удастся.

– Ладно, понял. Сколько их в подъезде?

– Много. В подъезде за дверью, в подъезде этажом ниже, в подъезде этажом выше, в подъезде на выходе. Все перекрыто. Разве что ты умеешь летать. А ты не умеешь.

Мы одновременно посмотрели на окно.

– Я попробую.

– Даже не сомневалась! – с облегчением выдохнула она. – В прихожей яркий пакет лежит. Видел? Неси сюда.

Его трудно было не заметить даже человеку с проблемами зрения. Он словно наживка лежал на самом видном месте, и я именно его первым заметил, когда перешагнул порог Лениной квартиры.

– Сходила бы сама, но не хочу тебя нервировать. Еще саданешь меня по затылку в профилактических целях.

Секунду посомневавшись, я все же сходил за пакетом. Внутри обнаружили пачка денег, полностью заряженный девяносто девятый «Вальтер» в изящной желтой кобуре,

массивный электрошокер, рация СВ-диапазона, мобильный телефон, покрытая защитными голограммами и чипами золотая пластиковая карточка с объемным изображением лица Лены, ключи от машины.

– Это? – спросил я, вытрясая содержимое на кровать перед ней.

– Это. Безопасники подготовили для тебя дежурный пакет на крайний случай.

– Какой еще случай?

– Ну, они же считают тебя тупым и немотивированно жестоким. Поэтому одним из вариантов развития событий была моя нейтрализация с твоим последующим бегством. Вот в побег ты и должен был захватить этот пакет. Что думаешь? – сказала она, оценивающе глядя на меня.

Добро само просилось в руки, но уж слишком все походило на приманку. Да и поведение Лены намекало на это. Даже беглого осмотра хватило, чтобы убедиться в подвохе. В кобуре прощупывалось странное уплотнение под ремешком, который недавно отпарывали, а пачка денег была скреплена массивным зажимом. Про электронику и говорить было нечего. Очевидно, каждый предмет был оснащен следящим устройством.

– Слишком топорно, – заключил я. – Если бы я что и взял, то деньги. Без зажима. И еще эта карточка выглядит привлекательно...

– У тебя чутье!

Она небрежно смахнула на пол все, кроме пластиковой карточки, денег и ключей от машины.

– Мы с тобой в чудеса не верим, – сказала Лена, пододвигая мне их. – Поэтому я уверена, что тебе не выбраться отсюда. Но! Если вдруг! С помощью этого пропуска ты можешь безопасно попасть в любое из наших учреждений и попросить о встрече со мной. Это если передумаешь и наконец захочешь устроиться на нормальную работу.

– А ключи?

– Внизу у подъезда стоит серый «Рено-Логан».

Я покрутил ключи, сомневаясь.

– Почему ты мне помогаешь?

Лена пожала плечами.

– Возвращаю моральный долг. Жизнь в обмен на прощение. Все эти годы я жила с камнем на душе. Я переспала с твоим лучшим другом. Не он со мной. Я с ним. Подмешала ему в коньяк львиную дозу афродизиака. Он был настолько пьян и возбужден, что у него просто не было шансов.

– Зачем? – выдавил я, чувствуя растущую ярость.

– Ревновала и хотела избавиться. Как любой женщине, ты мне нужен был без остатка, весь. К тому же, он мне не нравился. Не терплю таких типов. Ну так что? Прощаешь меня?

Я кивнул, но всего лишь для того, чтобы закончить неприятный разговор. Такое не прощают, даже спустя годы. К тому же, по самодовольному голосу Лены я совсем не был уверен, что была искренна.

– У тебя будут проблемы? – спросил я, кивая в сторону входной двери. – Потом. Может тебя связать или...

– Никаких проблем! – поспешила сказать она. – У меня сплошной профит. Я тебе дала шанс, ты им не воспользовался. Так что это на твоей совести. А если ты все же сбежишь, то я получу жирный козырь против наших криворуких тупых безопасников и еще больше буду над ними глумиться.

Подняв сброшенный на пол электрошокер, я проверил его работоспособность.

– Насколько сильно ты дорожишь теми людьми?

– За дверью? – Лена от удивления часто заморгала, а потом рассмеялась: – Вообще не дорожу!

– Если я их немного помну...

– Доставь мне удовольствие!

Я осторожно подошел к входной двери и, прислушиваясь, посмотрел в дверной глазок. Никого не видно, но шумное дыхание минимум одного слышно было, прямо за дверью. Если бы ждали, то стояли бы не прячась. Значит, подстерегали. Таких не жалко.

Дверь в квартире была бронированной, с надежным засовом и тремя замками. Но главное, она открывалась наружу. И была просто захлопнута, но не заперта, хотя я прекрасно помнил, как Лена лязгнула засовом после того, как впустила меня. Значит, пока я мылся в душе, она отперла ее.

Резко нажав на ручку защелки, я буквально прыгнул на дверь, вкладывая в удар вес тела. Дверь с сотрясшим подь-

езд грохотом распахнулась, сметая всех, кто стоял за ней. Их оказалось двое, в дорогих итальянских костюмах. Одно-го задело едва и просто толкнуло на ступеньки лестничного пролета, а вот с другим случилась мерзкая оказия. Нелепо болтаясь тряпичной куклой, он висел на двери квартиры напротив. Помнится, выбравшись из лифта на шестом этаже, я перед тем, как нажать кнопку звонка в Ленину квартиру, заметил необычную соседскую дверь, украшенную коваными бляхами, вензелями и массивным крюком дверного молотка. На него бедолага и насадился затылком. За те пару секунд, что я ошарашенно пялился на него, полы его пиджака потемнели и начали распухать, а потом из-под них на кафель лестничной площадки обильно закапало черной кровью.

Тем временем второй детина уже вскочил на ноги и замер в стойке на полусогнутых ногах, готовый к схватке. Но драться с ним я не собирался. Сделал обманное движение, заставив его выставить блок, а потом просто наугад ткнул электрошокером. Запахло паленой тряпкой, здоровяк квакнул и мигом обмяк, ничком падая на лестницу.

Тем временем подъезд уже гудел от топота.

На секунду замерев, обдумывая перспективы и не находя их, я юркнул обратно в квартиру. Запер дверь на засов. Без применения металлорежущего инструмента, быстро вскрыть ее нельзя.

– Уже вернулся? – насмешливо спросила Лена, когда я во-

рвался в спальню. Она все также сидела на кровати, курила и с интересом следила за моими метаниями. Я успел заметить, как она полой халата быстро прикрыла пистолет, уже без кобуры.

– Ты зачем Сашке звонила? – спросил я, раз за разом пробегая глазами по комнате и снова задерживаясь взглядом на комод. – Если уж он так неприятен.

– Звонила? Я? – улыбка сползла с ее лица.

– Он сам сказал. Прости, но ему я верю больше.

– Ну да, звонила, – призналась она. – Но тебя это не касается. По работе звонила.

– А я вот думаю, что касается. Ты меня искала. Так ведь?

Я подошел к окну, бегло осмотрел, удовлетворенно хмыкнул.

– Ну вот у него и спроси. Он же тебе друг, все и расскажет.

– Бывший. Тебе удалось задуманное, – сказал я и начал разбирать окно. Легко отстегнул пластиковые штапики, вынул и поставил у кровати стеклопакет. Лена настороженно следила за моими пока непонятными действиями и даже не отреагировала на слово «бывший». – И вряд ли он что-нибудь уже расскажет. Он исчез. Как Матушкин.

Передо мной зиял ночной пустотой оконный проем метр на полтора. Достаточно для задуманного. А задумал я перебраться в соседний дом. Помнится, когда делал ремонт, прибежал сосед ругаться по поводу шума и строительной пыли, которую сквозняком задувало из нашей квартиры в окна

соседней напротив. Нюанс в том, что это была квартира совсем другого дома. Многоэтажки были построены зигзагом под углом друг к другу и служили защитой для местного гидроузла. Во всех крупных городах бывшего Союза подобные микрорайоны стояли вокруг важных объектов, чтобы в случае войны на себя принять и погасить ударную волну ядерного взрыва.

Я выдернул из прикроватного комода ящики, затем поднял его и, разбежавшись, тараном метнул в окно напротив, но этажом ниже. Комод вышиб стекла с перегородками и исчез в темноте комнаты. Лена вскрикнула, из разгромленной квартиры послышался истошный женский визг и залиvistый собачий лай. Снизу в это место ударил прожектор, высветив черный провал в обрамлении искалеченной рамы на месте бывшего окна.

– Спасибо, ребята, подсветите мне, – прошептал я, забираясь на подоконник, а затем повернулся к шокированной Лене. – Напрасно ты все это затеяла.

– Не поняла...

– Мало того, что сама вляпалась в кровавое дерьмо, так еще и меня захотела измазать.

– Что ты несешь...

– Я бы еще понял, предложи ты мне прямо и честно, что угодно предложи. Но ты как всегда решила схитрить. Не твои мнимые безопасники. Это ведь ты все задумала. Ты снова решила сыграть со мной, снова обмануть, снова ис-

пользовать и снова подставить под молотки. И с Сашкой ты зря. Это было подло.

Я закутался в халат, затем оттолкнулся и прыгнул. Скорее всего это напоминало нелепую и смешную попытку толстяка взять с разбега олимпийскую высоту. Но мне был важен не произведенный эффект, а результат. Приземлился точно на скользкий отлив, успел схватиться за остатки рамы и перекинул сразу ставшее грузным и непослушным тело в комнату. Изрезанный осколками, в темноте покусанный мелкой, но очень свирепой псиной, оглушенный переходящим в ультразвук женским воплем, я наугад пробился к прихожей, нашарил ключи в замке входной двери, распахнул ее и вывалился в подъезд.

Оказавшись на улице, я быстро сориентировался и между домами поковылял на пока еще тихий и далекий звук междугородней трассы. И в годы нищей курсантской юности там можно было без проблем перехватить какого-нибудь дальнобоя и бесплатно доехать куда угодно, а уж с деньгами, которые я прихватил у бывшей жены, уехать вовсе не было проблемой.

Глава 6

Ростов встретил меня ливнем. Вода стеной, полумрак, раскаты грома, заполненные мутными потоками улицы, парализованный дорожный трафик и ощущение подступающей безнадёги.

Такая погода была мне на руку. Никто не обращал внимания на сутулого типа с опухшим лицом, исполосованным корками порезов, в растянутом выцветшем спортивном костюме и стоптанных кроссовках. Я напоминал бездомного алкаша в хроническом запое. От меня не только редкие прохожие шарахались, но и бездомные псы сторонились.

Недолго поплутав среди заплесневелых девятиэтажек спального микрорайона, который по уму давно пора было снести, я юркнул в подъезд одной из них и поднялся на седьмой этаж.

На звонок в дверь обитатель нужной мне квартиры отреагировал необычно:

– Опять ты? – агрессивно рывкнули из-за двери. – Пшел вон!

– Экстази, это я.

Пришлось поднимать голову и чуток попозировать перед камерой над дверью, давая себя разглядеть. Экстази всегда был излишне подозрителен, но на сей раз превзошел сам себя.

Наконец лязгнул замок, однако дверь приоткрылась лишь на длину цепочки и в щель одним глазом просунулась заросшая многодневной щетиной толстая морда Экстази. Вид у него был озадаченно-испуганный.

– Ты?! Ну и харя! Опять забухал, что ли?

– Открывай уже!

– Вообще-то, я занят... – начал было привычно кобениться Экстази, но я на него так свирепо глянул, что тот мгновенно заткнулся и через несколько секунд тяжелая железная дверь захлопнулась уже за моей спиной.

– Чего боишься? Кому дорогу перешел?

Я хотел было усмехнуться, но лишь глянул на Экстази и желание мгновенно пропало, сменившись отвращением. Последний раз мы виделись больше полугода назад и за эти шесть месяцев Экстази превратился в образцовую скотину. Смердящий, косматый, небритый, здоровенный увалень в обтягивающем жирные тела засаленном до зеркального блеска халате неопределенного цвета, в дырявых тапках с торчащими, словно когти, черными нестриженными ногтями выглядел переходным звеном между человеком и свиньей в луже грязи.

– Очень бы хотелось узнать! – вспыхнул Экстази, пялясь в монитор камеры над дверью. Лестничная площадка была пуста и тиха, как и подъезд. – Вот ты мне и скажи! Ведь это ты опять кому-то на хвост наступил, а под раздачу попал я. Уроды одни приходили, про тебя спрашивали. Я уже два дня

не сплю, на измене сижу!

Я заглянул в его глаза – чистые, трезвые, вменяемые. Да и раздражительность подтверждала, что дурью Экстази уже давно не закидывался.

Оставив его тревожно созерцать экран монитора, я прошел в единственную жилую комнату квартиры. Пришлось в полумраке торить путь через скопища компьютерного хлама. Единственное относительно свободное место обнаружилось возле стола, на котором громоздилась чудовищная конструкция из множества кронштейнов с пятью мониторами, от которых толстые кабели тянулись к открытым системным блокам, закрепленным на полках металлического стеллажа от пола до потолка. В комнате стоял гул от работающих компьютеров, полумрак рассеивался приглушенным светом мониторов. За наглухо закрытыми вертикальными жалюзи слева угадывались окно и дверь на лоджию.

Смахнув на пол смрадное тряпье с кресла, я долго с сомнением рассматривал бурую от подозрительных разводов обивку, но потом все же сел.

– Эй! – заголосил сзади Экстази. – Аккуратнее!

– Слушай, а где ты спишь? – спросил я, с интересом осматриваясь. Я здесь частенько бывал, но никогда не видел дивана, кровати или хотя бы завалящего надувного матраса.

– На лоджии.

– С твоей-то паранойей? – усмехнулся я. Экстази очень боялся за свою жизнь и перестраховывался всегда и во всем,

а тут вдруг такая неосторожность. – Тебя же там достать легко с соседнего балкона!

– Там прохладнее, – буркнул здоровяк, нависая надо мной. – Ты лучше давай ближе к делу. Чего пришел?

Я достал из кармана подаренную бывшей женой пластиковую карточку и протянул Экстази.

– Нужно твое мнение.

Он поморщился, но взял.

– Из-за этого весь кипиш?

– Может быть, – я пожал плечами. – А кто к тебе приходил, кстати?

– Да крутятся тут постоянно парочка уродов. И еще бомж подозрительный трется, пожрать просит, а у самого зубы золотые. Кстати, на тебя похож.

– Что за уроды? Менты?

– Не похоже. Уж больно вежливые. И не блатные. Двое. Здоровые шкафы. В дорогих костюмах. На крутой тачке прикатили.

– И так уж прямо про меня спрашивали?

– Не, имен не называли, но я сразу про тебя подумал. Вот прямо с первой секунды разговора. А ведь мы с тобой больше года не виделись.

– Не гони. Полгода назад лично, а в прошлом месяце ты для меня подозрительное письмо проверял.

– Да? – Лицо Экстази вытянулось. – А мне казалось... Короче! Я сразу про тебя подумал. Они с порога спросили, ока-

зываю ли я услуги частным детективам? А ты у меня единственный клиент. Да и зачем вообще такое спрашивать? Ясно же, что припугнуть хотели.

Он принялся рыться в хламе на столе, пока не нашел белый прямоугольник визитки.

– Вот. Сказали позвонить по этому номеру, если вдруг ко мне обратится такой частный детектив. Обещали хорошие деньги.

– Хорошие? – с прищуром спросил я.

– Ну я же не крыса, ты знаешь!

На безликой визитке был только телефонный номер.

– Пробивал?

– Конечно, первым делом. Какой-то санаторий. Лажа, короче.

– Не парься, – я вернул ему визитку. – К тебе пришли потому, что ты занимаешься левым пластиком и каждая собака в городе об этом знает. Они наверняка обошли всех твоих коллег с тем же предложением. Если бы у этих ребят на тебя что-то было, то они без лишних разговоров сразу в оборот взяли бы.

Я хоть и успокаивал Экстази, но даже сам себе не верил. Он все правильно понял. Это были ребята моей бывшей жены, а визит их был посланием мне. Они знали о моем компьютерщике, где он жил, чем занимался, и наверняка предполагали мой визит к нему.

– Ты пока никому не интересен, можешь спать спокойно

и бомжей ни в чем не подозревать. А вот если позвонишь по этому номеру и расскажешь о нашей встрече, тогда на твою тушу точно слетится стая воронья.

– Не позвоню, – проворчал Экстази и, помахивая пластиковой карточкой, с намеком посмотрел на меня.

– Что это? – спросил я, наконец-то переходя к делу.

– Дешевка, – буднично ответил он и швырнул карточку на стол.

– Так уж и дешевка? А голограммы и объемные фото?

– Ну, для динозавров вроде тебя это выглядит дорого и богато, но на самом деле не стоит вообще ничего. Заказывай хоть голограммы, хоть шелкографию, хоть какую фактуру. А если есть время подождать доставку пластика из Китая, то такую забаву себе может позволить даже безработная домохозяйка.

– Ну что-то же эта карта содержит? Чип, магнитная полоса? Это же не просто кусок пластика с фотографией бабы?

– Чип тут какой-то есть, но обычный, можно сказать примитивный. Это обыкновенный пропуск.

– Скопировать и слегка изменить сможешь?

Экстази аж подпрыгнул и заметался по комнате, как медведь в тесной клетке – яростно топоча, сметая все и вся.

– Спятил? Да тут такие дела творятся! Я уже три дня не сплю...

– Было же два, – улыбнулся я.

– Два, три – какая разница! Я нутром чую, что это все здо-

ровенным медным тазом накроется. Так что нет. Нет! Извини, но я пас! Нет!

Это была обычной песней Экстази для самоуспокоения и набивая цены. Он всегда отказывал, но потом всегда соглашался. Да он и не мог мне отказать, даже если бы я его попросил об услуге куда более сомнительной и опасной. Его жизнь буквально принадлежала мне. Лет десять назад я искал и нашел похищенную дочь одного из богатейших людей нашей страны, но вместе с той распутной избалованной девицей нашел и Экстази, который подневольно занимался цифровыми переводами астрономических сумм выкупа за границу. От похитителей и всех причастных, наверное, уже и праха давно не осталось, а Экстази жил и всячески мне помогал. Но это было легко исправить, стоило только всего лишь намекнуть на его участие в похищении. Экстази это знал и очень ценил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.